

НАСЛЕДИЕ СНОВ

A woman's silhouette is shown from the chest up, looking upwards and to the right. She is positioned in the foreground, with her back to the camera. The background is a dramatic sunset or sunrise over a body of water, with a large, bright sun partially obscured by clouds. The sky is filled with soft, golden light, and the water reflects the colors of the sky. A solid red rectangular block is placed over the woman's face, partially obscuring the title text.

А Л Е К С А Н Д Р А Р А Й

Александра Рай

Наследие снов

<https://litres.ru/74274513>

SelfPub; 2026

Аннотация

Параллельные миры не пересекаются? А если они проникают друг в друга? С детства я вижу сны, где я - Тёмный воин в чёрных доспехах, который сражается с Тьмой в мире, где правит Император. В реальном же мире я - журналистка, которая провалила интервью с одним из самых влиятельных и богатых мужчин в стране.

Но вот странность: теперь он тоже мне снится, и, кажется, что мир из моих снов становится моей реальностью. Кто же я такая на самом деле?

Дизайнер обложки Валентина Бурдалева.

Александра Рай

Наследие снов

Александра Рай
«Наследие Снов»

Глава первая. Встреча.

Когда при покупке серии книг про вампиров и осознанные сновидения тебе дают в подарок православный календарик – чувствуешь себя не в своей тарелке. Пробормотав «спасибо», я выбежала из книжного магазина. Быстрыми шагами я быстро двигалась к выходу, и потом дальше и дальше до остановки междугородних автобусов.

Перекинув на спину мои огненно-рыжие волосы до талии, которые я так сильно любила, одетая в черные обтягивающие джинсы, черную рубашку и длинный черный плащ, я почти бежала, обдумывая предстоящее Важное Событие в моей жизни.

Важные События случаются крайне редко в жизни обычных людей, поэтому стороннему наблюдателю может показаться, что совершенно ветренная молодая особа. На деле же я просчитывала несколько вариантов того, как может произойти это самое Важное Событие, и не было ничего важнее на свете для меня в тот момент.

На фоне обдумывания ближайшего будущего, я также размышляла о том, как же это здорово, что книжный мага-

зин открыли прямо на вокзале. Очень удобно – пара книжек в дороге не помешают. Мои увлечения «вампирической» тематикой отражались на многих сферах моей жизни, начиная от внешности и выборе одежды, и заканчивая поиском (абсолютно глупым, кстати!) реальных доказательств существования этих необычных представителей рода человеческого.

С такими мыслями я поднялась по ступеням автобуса, показала билет водителю и удобно устроилась в кресле. Автобус был совершенно обычный, безо всяких так изысков типа телевизора или кондиционера, но дни уже стояли прохладные, поэтому я ничуть не переживала по этому поводу.

- У вас какое место? – пробасил мужской голос над ухом. Я повернула голову и ошарашено посмотрела на говорившего.

- Т-т-тринадцатое, - запинаясь проговорила я. Это был он! Тот самый мужчина, у которого я собиралась брать интервью. Главная цель, ради которой я и собралась в эту безумную поездку.

Поездка с самого начала казалась безумнее некуда, но главная так упорно отправляла меня в неё, что отказываться дальше я уже не могла.

«Тебе ничего сложного делать не потребуется. Вопросы для интервью у тебя есть. Ты просто приедешь, проведешь интервью и уедешь обратно. Мужчина он видный и тебе даже понравится! Главное – задавай вопросы правильно, чтобы достигнуть конкретной цели и привести будущих читателей

к нужным выводам», - напутствовала меня главный редактор модного регионального журнала. Я всегда была ответственной, а уж в таком важном деле, как первое интервью, я никак не могла ошибиться.

Особенно, учитывая тот факт, что от меня хотели избавиться. Как раз после того случая, когда моя бабушка появилась в издательстве и устроила разнос главной. «Как вы смее задерживать мою внучку на работе сверх положенного?! Нет на вас инспекции по охране труда!» - кричала бабуля на всю редакцию. Вот, сразу после этого визита, я и поняла, что моё пребывание в редакции журнала – дело решенное. И потом это интервью!

Мужчина, слухи о котором ходили самые невероятные – циник, критик, грубиян, бабник, богач, слишком разборчивый и невероятно красивый. И ведь он оказывается действительно очень красивый, словно киноактёр какой-нибудь!

Как он тут оказался? В самом обычном междугороднем автобусе (без изысков!), наравне с заурядными смертными! Как?

Мужчина бы одет очень просто – синие джинсы в обтяжку (В обтяжку, Уна! Смотри внимательно!), клетчатая рубашка, кеды и черная кепка. Огромные очки были сдвинуты на кончик носа, взгляд ярких синих глаз пронзительный и цепкий.

Красавчик, несомненно.

- У меня номер двенадцать, - в моей голове раздался пронзительный крик радости и ужаса одновременно. Вот это по-

дарок судьбы! Осталось только наладить общение, разузнать всё интересующее по списку, что дала мне главная, и по приезде в город-мечту сразу брать билет обратно.

Наладить общение с таким экземпляром будет сложно, но на то я и журналистка, чтобы уметь разговаривать с кем угодно о чём угодно.

Мужчина со злостью запихивал черный неприметный рюкзак на верхнюю полку. Пристроив ручную кладь, он резко плюхнулся в кресло рядом со мной, сняв очки с носа.

- Меня зовут Радульф Эмонитас. А вас, юная особа? – голос известного всему миру богача звучал раздраженно, и в то же время мужчина был вежлив. Было видно, что он находится не на своем месте. Цвет глаз из ярко синих медленно перетекал в ледяной. Казалось, что Радульф в бешенстве.

Я потеряла дар речи и еще некоторое время глупо тараторчила на Эмонитаса. Мне же ещё ему кучу вопросов задавать, как-то фиксировать ответы, ещё и улыбаться вежливо, а я растеклась, как лужица сиропа!

«Радульф Эмонитас! Радульф!» - скандировала толпа каждый раз, когда он появлялся в обществе с очередной юной спутницей. – «Радульф, подпишите! Радульф, выскажите свое мнение!» - я так часто видела его на приемах моей бабки, что уже и счёт потеряла. Только он меня никогда не замечал, да я и не особо стремилась попадаться ему на глаза, чего уж там.

Я лишилась родителей, когда мне было пять лет. Теплым

апрельским утром они поехали в загородный дом и по дороге попали в автокатастрофу. Умерли сразу, в одно время. Когда служба спасения нашла их спустя полчаса, то спасать было уже некого. Наверное, отчасти хорошо, что мне было так мало лет, потому что отсутствие родителей в моей жизни не оказало большой роли на моё взросление. А вот бабушка, у которой я стала жить после их смерти оказалась, да еще какое.

Бабуля – отдельная история. Этот человек подминает под себя людей, как огромный трактор, владеет небольшой кондитерской империей на территории всей страны. Бабуля всегда была царственная, высокая и сухая, платья носила черные и длинные до пола, а абсолютно седые, до пояса волосы заплетала в толстую косу с неизменной серебристой лентой. Что странно – бабушка не выглядела старой, лицо молодой женщины с идеальной ровной кожей, ухоженное тело. Для всех она была госпожа Хельга, а я называла её бабушка Хельга.

Хельга любила сладкое и общество эксцентричных людей. Самое нелепое сочетание, которое только можно представить. Почему-то я всегда думала, что кондитеры – это такие уютные пухлые люди с нежными лицами, похожие на милых повзрослевших ангелочков. На деле же бабуля-кондитер была та еще женщина-молот.

Радульф был известен в нашей северной стране варварскими выходками и богатством. Хозяин банков, гостиниц,

ресторанов и ночных клубов. И, самое важное для меня – хозяин и владелец издательского дома «Роукин».

- А меня зовут Уна. Уна Фаэ. Вы далеко едете? – мне нужно было знать всё, абсолютно всё о его жизни, даже о том, что он ест на обед и в какой пижаме спит ночью.

- До самого конца, - он неловко ухмыльнулся. – А вы? – и тут я покраснела. Мысленно я всё вспоминала бесконечный список вопросов для интервью с Эмонитосом.

- И я до конца.

- А не та ли вы Фаэ, чья великолепная бабка Фаэ держит прелестные кондитерские?

- Я ее внучка, - и я поняла, что это может быть вполне себе беседа на равных, если он узнал ее фамилию.

Мужчина устроился удобнее, но я сидела с напряженной спиной, и продолжала рассматривать своё будущее интервью в виде мужчины в клетчатой рубашке с нескрываемым удовольствием

- Что это вы меня так разглядываете, кэрита? – пренебрежительно обращение к женщинам, которое означает «милочка». Да-да, я не ослышалась! Мужик действительно грубит на пустом месте. - Разве ваша милая бабка не обучила вас этикету? – насмешливо поинтересовался Радульф.

- Я, э-э-э, абсолютно удивлена, что вы путешествуете как обычные смертные, господин Эмонитас, - мне стало очень стыдно за все эти разглядывания, что я отвела взгляд от циника и грубияна, и стала смотреть в окно. За окном мелька-

ли увядающие деревья, отбрасывающие золотую и медную листву в разные стороны. Небо нависало над лесной посадкой – огромные свинцовые тучи, предвещавшие проливные октябрьские дожди.

- А я не путешествую, я просто еду вперед. Знаете ли, порой я совершаю поступки «обычных смертных». И, - он поднял вверх указательный палец, - даже ношу обычную одежду. Самую дешевую, что могу найти, - шепотом добавил он, приближаясь к моему лицу вплотную. Его черные волосы были рассыпаны по плечам красивыми волнами, светло-голубые, почти белые глаза с черными зрачками внимательно изучали лицо девушки, а потом Радульф отстранился в кресле и безразлично спросил:

- Чем вы занимаетесь по жизни, Уна Фаэ? Вы студентка?

- О, нет. Я помогаю бабуле. Э-э-э, в делах различной важности, - я не знала, что спрашивать у него сначала и как подобраться к самым опасным вопросам. И как избежать личных расспросов? – Скажите, господин Эмонитас, а вы любите нашу страну?

Циник и критик удивленно поднял одну бровь, закрыл глаза и спросил в ответ:

- Вы едете в город-мечту на интервью со мной. Я знаю. Я всё о вас знаю, любезная. И даже то, что вопросов в вашем списке пятьдесят семь! – Мужчина вдыхал и выдыхал воздух, размеренно, словно старательно успокаивал себя. «Да уж, ну и дела!» - паника накрыла меня с головой и наверня-

ка без того моя белая кожа побледнела ещё больше, как это обычно и случалось.

Радульф открыл глаза и выпалил:

- Вы с ума сошли?! Да что вы собрались спрашивать? – он вновь прикрыл веки, стараясь совладать со своими эмоциями.

Меня бросила в жар от стыда и напряжения, а руки непроизвольно сжались в замок.

- Извините меня, господин Эмонитас. Это моя работа. Я журналист.

- Знаете, совсем необязательно задавать такую прорву вопросов. Мне показалось это разумным – устроить для вас лично небольшое путешествие со мной на соседних креслах автобуса на протяжении двух суток.

Теперь я внезапно похолодела. Задумавшись на мгновение, я резко выдохнула воздух из легких и спросила:

- То есть, наша встреча – не случайность?

- О, конечно же нет, кэрита, - Эмонитас широко улыбался. – Ваша бабка позвонила мне два дня назад и предложила провести время с вами в поездке в мой дом в городе-мечте. Увидев ваши фотографии в вашем профиле в соцсети, я понял – это хорошая идея. Вы очень милая девушка, как раз в моем вкусе. – Он подмигнул мне и двусмысленно протянул руку ладонью кверху. – Как вам такой расклад? Согласны?

Я прокрутила в голове все сплетни о Радульфе. Бабник, циничный и наглый, такому нельзя доверять ничего. Един-

ственное, что ценил Радульф – это был он сам, его комфорт и спокойствие. Но поделаться ничего нельзя – у меня было задание от главного редактора журнала, в котором я работала. «Уна, ты обязана узнать о нем всё! Всю подноготную! Чтобы статья получилась обличительной, хлесткой и очень жестокой! Пора поставить этого мужика на место!» — вот, что юная журналистка в лице меня слышала напоследок перед отъездом. Перед этой встречей с Эмонитасом. А он, вот так просто сидел с мной рядом. И даже дышал одним с мной воздухом!

- Давайте сюда свой список, посмотрим, что там можно сделать, - Эмонитас откровенно издевался, но я решительно засунула руку в глубокую сумку и нащупала там сверток с вопросами для интервью. Вытащив на свет сложенный вчетверо листок, я протянула список Радульфу почти не дрожащими руками.

- Так-так. Ага...хм. Интересно. О, какой вопрос! Это вы сами всё придумали? – циник и критик насмешливо смотрел на меня, прищулив глаза. Мне казалось, что он играет – виртуозно, словно раскладывая карты в игре. А затем я взглянула прямо в глаза мужчине и поняла, что ему это всё в тягость.

Мне было сложно понять это. Для меня этот автобус, полный незнакомых людей, которые далеко не являлись выходцами из высшего света, являлся чем-то очень привычным, типа очередь за кофе утром или ожидание трамвая, который отвезёт меня на работу. Но Эмонитас разглядывал меня

чрезмерно насмешливо, даже пренебрежительно, отчего создавалось впечатление, что меня рассматривают через лупу, ожидая, что выкину очередной фортель.

- Зачем вам всё это нужно? – недоверчиво спросила молодая журналиста Уна Фаэ, мысленно холодея от наглости. Будто бы он скажет правду, Уна! О чём ты только думаешь?

О глазах. О его мистических глазах, которые приковывают меня к себе.

- Что? – он недоуменно вскинул одну бровь.

- Вся эта поездка. Это двое суток в пути на автобусе без возможности выпрямить ноги, перекусы на коротких остановках, - я внимательно разглядывала Эмонитаса, силясь понять смысл происходящего. Зачем он делает это? Что ему даёт эта поездка?

Радульф отвернулся, помедлив с ответом. За окном пролетал всё тот же осенний лес, одинокие дома, в которых уже загорался вечерний свет.

- Вы красивая девушка. Мне приятны красивые девушки. Почему бы и нет?

- Ох, Радульф. Боюсь, у нас ничего не получится, - тема мне откровенно не нравилась. Мои знания о популярных в кругу Эмонитаса девушек были ничтожны, и, надо полагать, я сама не попадал под подобные критерии.

- Почему же? Вы замужем? – он строго посмотрел на меня так, что я поёжилась от этого взгляда.

- У меня есть убеждения на тему взаимоотношений муж-

чины и женщины. И я их придерживаюсь. – Было очень некомфортно говорить об «этом» с мужчиной.

Нет. С *таким* мужчиной, как Эмонитас.

Радульф Эмонитас, по слухам – совершенно точно наглый бабник – внезапно захохотал, отчего многие пассажиры обернулись и недовольно уставились на меня и смеющегося мужчину. Он развел руками, как бы признаваясь в своем бессилии и произнес: - Вы вообще это слышали? У нее – убеждения!

К слову сказать – мои убеждения возникли у меня не просто так, а под влиянием всего, что происходило в моей жизни, и никто, даже сам Эмонитас, не должен поколебать их.

- Милая девушка, вам следовало бы ознакомиться более глубоко с темой вашей статьи, прежде чем вот так ехать ко мне без...эм... более тщательной подготовки, - теперь он откровенно издевался. – Я не насильник и не злодей. Я просто мужчина. Что вы хотите обо мне знать? Я вам расскажу всё, что смогу.

Я вздохнула и осторожно спросила:

- То есть безо всяких там приставаний? – Без, - ответил он. – Только работа, только хардкор.

И я принялась спрашивать, задавая вопросы без списка, стараясь перевести интервью в беседу. А потом просто включила диктофон на телефоне. Эмонитас говорил, говорил, а я внимательно слушала и задавала наводящие вопросы.

Оказалось, что Радульф был самым обычным человеком,

как и я. Он жил своей жизнью, той, которую считал правильной и удобной лично ему. Он умело ходил по головам своих недругов и просто незнакомцев, чтобы самому Рудольфу было приятно. Никогда не угождал и не старался кому-то быть приятным. У него было два дома – один загородный, второй в городе-мечте. Весь бизнес полностью принадлежал ему, а многочисленные любовницы оказались по его рассказам лишь слухами, которые так удобно распускать о таких, как он – посвятивших себя работе и своим интересам.

В конце нашей совместной поездки, почти перед самым городом-мечтой, Радульф предложил:

- Давайте, кэрита, остановимся в гостинице на ночь? Сможем посидеть в баре, поболтать еще о жизни. Может быть, у меня получится поколебать ваши убеждения? – хитрая улыбка расплылась на его лице.

- А давайте, - согласилась я неожиданно для себя. Я знала, что с моими убеждениями ему не справиться, но что могло помешать мне обломать этого наглеца?

Когда мы ехали в такси по направлению к гостинице «Ра-зульс», я вдруг подумала, что интервью получилось не такое, на которое рассчитывала моя начальница. Вышло так, что Радульф просто человек, как и все остальные. Он не плохой и не хороший, живет для себя и все, что он делает – только для себя. Никакого криминала или перчинки, которую так хотелось кинуть в массы.

В какой-то степени я была расстроена.

Это предполагало, что работу я потеряю. А эта работа была так важна для меня! Слишком много усилий было приложено к тому, чтобы быть на хорошем счету и, чтобы меня оценивали по моим статьям, а не по знатности моей фамилии.

Едва мы подошли к ступеням, швейцар отделился от стены, свернулся в подобострастном поклоне и залепетал:

- О, господин Эмонитас, как мы рады вам! Проходите скорее, «Разульс» всегда ждет вас с распростертыми объятиями! – двери мгновенно распахнулись, и мы прошли в просторный и светлый холл гостиницы.

Я моментально растерялась от роскоши, которая бросилась в глаза. Роскошь была всюду – витые красного дерева перила лестниц, деревянные панели на стенах, золоченые люстры и светлый мраморный пол.

Это было очень.

Очень красиво, очень шикарно для меня, самой обычной Уны. Хотя и бабушка Хельга жила в хорошем и богатом доме, но с этой гостиницей дом старушки не сравнится никогда. Конечно, особняк моей бабули был большим и современным, но в нём всё было просто, без излишеств и вот этой вот диковатой лепнины на стенах.

- Вас сразу проводить в номер, или пройдем в бар? – Эмонитас не глядя отдал свой рюкзак подбежавшим лакеям, снял кепку. – Ну, так что? Идем отмечать ваше интервью?

Я кивнула, понимая, что проиграла и начальнице, и Эмо-

нитасу, и самой себе. Всё это интервью пахло жареным изначально. Вот где была подстава – скорее всего, Уну – внучку Хельги Фаэ – решили таким образом убрать из журнала, понимая, что я не справлюсь с заданием. А я совершенно точно не справилась. Да и как бы я справилась? Эмонитас был явно мне не по зубам.

- Пойдёмте, кэрита. Вам нужно немного расслабиться. – и я пошла, ведомая этим странным и непонятным мужиком в простых джинсах и клетчатой рубашке. Ворот был расстегнут почти до середины груди, широкие плечи и роскошные волосы. Светлые глаза и очень глубокий и тяжелый голос, который проникал в меня, будоражил мои чувства.

Через пару часов, когда я уже выпила бутылку мартини, удобно улеглась на сложенные руки на барной стойке и закрыла глаза, где-то сверху мужской насмешливый голос пробасил:

- О, кэрита, вы уже собрались спать? – я кивнула, понимая, что до номера я не дойду и категорически останусь на месте. – Давайте-давайте, любезная, я помогу вам подняться.

И он действительно помог. Подхватил меня под руки, и медленно отвел в номер, который был предназначен для меня, Уны Фаэ.

Едва за Эмонитасом закрылась дверь, я поняла, как сильно я устала за всё время этой безумной поездки. У меня гудело всё тело, а теперь, после бутылки мартини, гудела и голова. Я быстро разделась, побросав всю одежду на пол, опо-

лоснулась в душе и с блаженством рухнула на кровать, забывшись сном.

Разбудил меня стук в дверь номера, и я не сразу поняла, что происходит, потому что грохотало так сильно, что мне на мгновение показалось, что началась война.

- Кэ-ри-та! Открывайте, Уна Фаэ! – за дверью слышался голос Радульфа. Я перекатилась по кровати, медленно встала и открыла дверь, за которой оказался бабник и циник, который, судя по голосу и лицу с бездумной улыбкой, был пьян. Очень-очень пьян.

Я покачала головой и закрыла дверь. Ведь я могла её просто закрыть и не пускать этого миллиардера в мой скромный номер.

- Что? – мужик гневно воскликнул и вновь постучал в закрытую дверь. Я слышала, как он посапывает за дверью, молча возмущаясь. – Фаэ, это я, Эмонитас. Я хочу вас видеть. Открывайте немедленно.

Я молчала и обдумывала происходящее. Очень нетипичное поведение для мужчины *такого* вида, как Эмонитас. Хотя, если поразмышлять – приказной тон, манера общения – всё выдавало в нём человека, который привык к тому, что всё в этом мире происходит сразу же, как только Эмонитас подумал об этом.

- У меня есть убеждения личного характера и сомнения в вашей адекватности, господин Эмонитас. Идите спать! – я почти кричала на него, понимая, что от меня хочет этот бо-

гач. Ему понравилась девушка, и эта девушка не кинулась на него, стоило ему улыбнуться и показать ей свой прекрасный отель. Теперь он будет пробовать разные подходы, чтобы заполучить то, что само не падает к ней в руки.

- Э, нет. Так не пойдет. Открывайте лучше вы, или будет задействован персонал гостиницы, и без шума вы не выберетесь из города-мечты, - страшный мужчина становился пугающим. Меня начало трясти, как в одном из моих снов, где я бежала от погони и никак не могла убежать. Повернув дверную ручку, я медленно открыла дверь, и в номер ввалился Радульф, очень серьезный и пьяный. – Я хочу вас видеть, любезная. Извольте предстать передо мной, - и он глупо захихикал. Хихикающим пьяный Эмонитас выглядел ещё более страшным, что я решила отступить от него подальше, вглубь номера.

Едва закрылась дверь за ним, Эмонитас внезапно протрезвел, твердым шагом приблизился ко мне и обхватил ладонями моё лицо. Ледяные глаза смотрели очень внимательно, словно мужчина хотел увидеть что-то конкретное в моих глазах.

- Как же я мечтал прикоснуться к тебе, девочка, - прошептал он. – Ты не против?

Я была против. Очень против. Я была против того, чтобы меня приручали, делали своей или заставляли ей стать, потому что это было слишком больно для меня. В памяти ещё горели следы последнего предательства, и я не была готова

шагать навстречу новым любовным приключениям.

А как отказывать этому самовлюбленному самцу я не знала, потому что я была не очень богата опытом, и я сделала так, как учили меня однокурсницы – сделала вид, что принимаю правила игры.

Я потащила его на кровать, схватив за воротник расстёгнутой рубашки. Радульф удивленно пошел за мной, и, когда присел на край кровати, очень строго уставился на меня и спросил:

- Что это вы делаете, Фаз? – он медленно вытащил свою рубашку из моих крепко сжатых пальцев и немного отодвигаясь от меня. Совсем не много, почти незаметно, но мне было заметно, конечно же.

- А что бы вы хотели, господин Эмонитас? – я решила не сдавать позиции и придвинулась к нему примерно на столько же, насколько он отодвинулся от меня.

- Я бы хотел еще раз прикоснуться к вашему лицу и отправиться спать. Но если вы так настаиваете на близости со мной – я не могу отказать, - мужчина прилег на удобную постель, подпер голову одной рукой и уставился на меня, очевидно ожидая продолжения. Моментально создлось ощущение, что я выступаю на цирковой арене.

Дамы и господа! Только сегодня и только у нас, великолепная Уна Фаз показывает вам жуткий номер, один из самых опасных – как отвлечь мужчину от его желаний и переключить его внимание на что-то другое.

Я была озадачена. Внимательно приглядевшись к мужчине, я увидела, что он изучает меня – взгляд скользил по моей фигуре, лицу, остановился на глазах, затем Эмонитас некоторое время разглядывал мои такие любимые волосы.

- Кэрита, вы знаете, что вы очень красивая девушка? – он провел рукой по моим волосам, отчего я вздрогнула. Движение было мимолётным, но таким, чтобы я ощутила, как под тяжестью его руки немного откинулась голова. Такой лёгкий намёк на то, что всё может быть более жестким. – Цвет такой красивый, почти красный. Это ваш натуральный цвет? – я озадачилась еще больше. При чём тут вообще цвет моих волос? – Понимаете, это очень важно для меня – ваш цвет волос. Он натуральный?

- Да, цвет естественный. Я не крашу волосы.

Глупая какая-то тема для разговора.

- А что? – я перестала двигаться вслед за ним по кровати и замерла, ожидая ответа.

- Дело в том, кэрита, что мужчины моей семьи всегда женились на женщинах с рыжими волосами – у нашего клана древнее наследие. Радульф – означает «волк», а все члены нашего клана – волки, суровые и жестокие. И выдержать волка сможет лишь настоящая рыжая женщина. Вот такая странная и непонятная легенда. Ваш цвет волос мне подходит, Фаэ. Хотите стать моей женой? – Эмонитас был задумчив, и светлые глаза изучали меня. Я почувствовала себя на смотринах, где жених приценивается – стоит ли брать эту

женщину в жёны, или можно ещё поискать? Вдруг попадётся здоровее и умнее?

Я смутилась, отсела на кровати на противоположную от Эмонитаса сторону, и внезапно для себя заплакала. Слёзы были обжигающими и крупными. Видимо, от стресса, усталости, или всего вместе взятого.

Какая ты стала нежная, Уна Фаэ!

- Хватит надо мной издеваться, Радульф Эмонитас! Вы – просто невероятно бесчеловечное существо. Вы насмехались надо мной двое суток и продолжаете все больше усугублять ситуацию. Мне было важно это интервью, а теперь уже и это не имеет значения. – Рыдания сотрясали меня. Радульф внезапно обнял меня за плечи, очень нежно и, взяв в ладони моё лицо, прошептал:

- Глупая ты. Я предлагаю тебе себя как мужа. Неужели я настолько плох? – голос был мягким и заискивающим, и я затряслась в рыданиях ещё сильнее.

- Вы? Да вы великолепный! Вы красивый, и умный, и смелый, и мужественный, и богатый, и известный, - я осеклась. Достала из заднего кармана джинсов носовой платок, вытерла мокрый от слез нос и продолжила: - Да у вас куча достоинств в отличие от меня – я просто Уна! Я ничего не добилась, у меня нет своего дела, и даже работу в журнале, похоже, я потеряла из-за вас, такого распрекрасного!

- Тогда в чем же дело, Уна? – он сказал это с какой-то горечью в голосе. – Тебя так сильно прельщает вся эта показу-

ха, что ты не видишь за ней меня, да?

Я внезапно умолкла и посмотрела на него. Теперь передо мной сидел не просто мужчина, а очень аристократичный и холодный человек, смотрящий на меня свысока и даже немного презрительно. Что он хотел, чтобы я в нём увидела? Умение продавливать то, что ему нужно? Умение добиваться своих целей? Стремление получить всё, что только захочется?

- Пожалуй, вам пора идти к себе в номер, господин Эмонитас. Нам с вами не по пути. Большое спасибо за интервью, - Поднявшись, я открыла дверь в номер и стояла до тех пор, пока мужчина не вышел за дверь. Напоследок он задержал на мне свой долгий взгляд, полный ожидания или даже какого-то требования. Но я и бровью не повела, и, едва закрыв дверь, решительная и непоколебимая Уна Фаэ исчезла, и я сползла на пол и заплакала снова.

Мне было очень жалко себя, мой труд в журнале. Я проработала там три года! Это была огромная практика для меня и дело, которому я хотела посвятить свою жизнь. В итоге всех моих трудов – у меня абсолютно глупое интервью о человеке-творце. Хотя меня посылали за интервью о человеке-диктаторе.

Глава вторая. Темный ратен.

Воздух был тягучим, словно мёд. Уна не любила мёд и вообще к сладкому относилась прохладно. А вот воздух ей нра-

вился – будто бы ты впервые оказался летом возле моря. Воздух заполнял легкие плавно и душно. Кожа стала влажной и очень мягкой.

Ночь уже укутала реку, по воде стелился розовый туман. Тяжелый воздух обволакивал розовую дымку, заставляя клу-биться и вращаться над водой. Противоположный берег не было видно, и Уне казалось, что существует только этот бе-рег, Уна, туман и странный воздух – и больше ничего нет.

- Никак вновь чаровницы шутят, - слышался шепот. Очень тихо, стараясь не потревожить птиц на высоких де-ревьях, темная фигура вышла из розовой мглы, медленно поднимаясь по влажным камням от реки. Человек легко пе-редвигался по камням, держа под уздцы коня. Могло пока-заться, что это был мираж, - так легко силуэт плыл по возду-ху – никаких сложностей тяжелые каменные уступы не вы-звали.

- Я на месте! – прозвучал глухой и спокойный голос вои-на. Уна знала, что этот человек – воин, и больше ничего. Те-ло было затянуто в черную кожу: стройные ноги обтягивали кожаные штаны, высокие сапоги подвязывались под колена-ми широкими тесемками. Голову покрывал шлем в виде ка-пюшона с маской, и было невозможным увидеть лицо.

Уна медленно вышла из-за кустов жасмина, который рос здесь по всему побережью. Она оказалась одета в свою ноч-ную рубашку в мелкий розовый цветочек и смутилась. Воло-сы спадали длинной волной по спине, босые ноги неслышно

ступали по траве.

Со стороны воина послышался сдавленный смешок:

- Серьезно? В рубашке? У тебя других идей для первого контакта не было? – голос был очень знакомым, но Уна не поняла, почему.

- Так получилось, - улыбка осветила лицо, и стало видно румяные от смущения щеки. – Я – Уна. Это тебя я всё время вижу в своих снах?

Воин поглаживал коня по морде, нашептывая что-то успокаивающее. Из-за маски на лице воина Уна не смогла увидеть эмоции. Прошептав еще что-то коню напоследок, фигура в черных доспехах шлепнула животное по крупу. Развернувшись к Уне, воин какое-то время разглядывал ее через прорези маски.

- Что ты хотела бы знать обо мне? – тихий голос наводил на странные ассоциации. «Кто-то говорит с такой же интонацией. Но вот кто?»

- Кто ты такой? И почему я вижу тебя в своих снах? – Именно эти два главных вопроса терзали Уну последние полгода. Она зябко обняла себя за плечи. Клубы тумана тянуло с реки, открывая взгляду противоположный берег.

- Я воин этого мира. Конкретные вопросы будут? – голос отвечал спокойно, и в то же время казалось, что человек напротив Уны улыбается.

- Я что-то смешное сказала? – Уна оскорбилась. «Мало того, что я босиком и в ночнушке, так еще и никак в толк не

возьму, почему воин согласился на контакт», - мысли мелькали в голове Уны так быстро, что она не успевала их хорошо обдумать.

- Да брось! Мои ожидания были гораздо выше того, чем ты хочешь узнать.

- Почему ты не снимешь маску?

- Шлем? – фигура в черном покачнулась и приблизилась на шаг к Уне. – Это защита от определенных обстоятельств, связанных с нашей встречей. Сейчас тебе не следует видеть мое лицо, - воин не жестикулировал. Руки свободно свисали по бокам тела, так, что Уна могла разглядеть фигуру воина. Средний рост, тонкие руки, и такие же тонкие, даже стройные ноги. Доспехи представляли собой нечто твердое и кожаное, напоминающее кожу дракона – с выступами и шипами, усиленное на груди и плечах черными кожаными пластинами. «Наплечники» - подумала Уна. Ладони также были обтянуты кожей, а предплечья – наручами из черного металла с острыми выступами по бокам. Весь вид воина пугал и отталкивал.

- Если ты воин, то *что* ты защищаешь? У нас в мире воины не только защищают, они сражаются, охраняют и много чего еще.

- Я являюсь членом главного клана воинов этого мира. Наша задача – контроль всей территории мира, особенно – центральной части, где проживает повелитель. Мы выполняем все функции по защите и многому другому. Каждый из нас

выбран по его умениям и способностям и является лучшим в своем роде на момент попадания в клан.

Уна топтала траву под ногами, стараясь согреться. Воин не предпринимал никаких действий по согреванию Уны. Фигура стояла напротив в ожидании вопросов.

- Так... А почему я вижу тебя в своих снах? – Уна не знала, что спрашивать конкретно.

- Наверное, потому что ты пробужденная. Основная масса – инквилины. Это сущности людей вашего мира, которые проникают в наш мир, когда те спят и видят сны.

Уна даже перестала дрожать. Что-то новое!

- Расскажи мне подробнее про инквилинов, пожалуйста, - попросила она воина. Тот, в свою очередь, согласно кивнул и продолжил:

- Издавна в нашем мире живут ратены, поселенцы и инквилины. Еще есть первородные, но они не обсуждаются, - категорично заявила черная фигура. – Ратены – четыре основных клана воинов и один – главный клан. Поселенцы – сущности, попавшие в наш мир случайно через порталы реальностей. А инквилины – это основная масса сущностей, которые посещают наш мир регулярно и живут в нем, но только в своих снах.

Уна не знала, что и думать. Такое откровение не вписывалось в ее картину мира. Реальности, сущности, инквилины... Девушка вздрогнула, и по спине побежали мурашки, но уже от холода.

- Пробужденные – это не поселенцы и не инквилины, верно?

- Верно. Это сущности, способные наладить контакт с кем-то из жителей мира и осознавать происходящее в своей реальности.

- То есть, получается, ключевое слово – «осознавать»! – Уну озарила догадка и мысли понеслись дальше не разбирая дороги. – Я все поняла! Осознанные сновидения! Лусид! Этому есть и в вашем мире подтверждение. Но, как же со снами?

Черная фигура расслабилась, и Уна почувствовала, как расслабляется следом за воином. - Получается, что все человеческие попытки приручить сны – это слабые попытки наладить связь с кем-то в вашем мире? – у Уны полно вопросов. Воин разочаровано и как-то уклончиво вздохнул.

- Ты пойми, Уна, все сложно и вероятностей слишком много. Приручение снов возможно лишь в случае подобном твоему – если человек на самом деле установит контакт.

- А как зовут тебя? – спросила Уна, пытаясь разглядеть что-то еще на дальнем берегу реки. Ничего не было видно, хотя туман схлынул и теперь полз розовой пеной по краю реки. Она рационально рассудила, что смысл этой связи в том, чтобы познакомиться с самой собой. С той – Уной, которая так сильно хотела разобраться в своих снах. Хоть и первый контакт получился с совершенно чужим воином, Уна была рада.

- Называй меня Темный ратен, повелитель мира Света и Тьмы. Таких, как я – десять. Как римский контуберний, - тут голос воина стал веселым на мгновение. - Мы – основа нашего мира, остальные четыре контуберния подчиняются нам. Также, нам подчиняются монахи и коренные народы. Вы – соединяемые, инквилины. В нашем мире вы всего лишь желанные гости. Мы рады вам.

«Разговор по душам плавно превращается в контакт с инопланетным разумом», подумалось Уне. Становилось всё тяжелее удерживать лусид, и она проваливалась в сон, где руки и глаза того опасного человека не давали мыслить разумно. Остатками сознания она зацепилась за сказанные слова – «всего лишь желанные гости» и начала падать.

Уна падала в его руки, чувствуя его тепло. И еще она чувствовала, что мужчина ищет её, словно на девушке был маячок, который на карте мигал красной точкой.

- Если тот, кого ты видишь в своих снах, еще не нашел тебя в твоём мире – значит колесо Асаады еще не свело вас вместе. Подожди, - это были последние слова, которые Уна услышала напоследок от черного воина.

А Уна падала и кружилась, а глаза мужчины преследовали её вновь и вновь, горячие и пылающие огнем руки искали и пытались схватить, но Уна уже уплывала далеко-далеко. Потом руки возвращали ее обратно, обнимая горячо и крепко, и девушка чувствовала, что ее не отпустят, и она больше никогда не упадет.

Проснулась Уна уже под утро. За окнами светлел пепельный рассвет. Первые лучи перемешивались с пасмурным небом, напоминая, что наступила глубокая осень. Перед окнами девушки рос огромный клен, который еще месяц назад сбросил с себя красные и желтые листья. Уна поёжилась от утренней свежести и закрыла окно, которое она всегда открывала на ночь. Постояв еще какое-то время у окна, она отправилась на кухню. Выпив кружку холодной воды, она осторожно поставила посудину на край стола, и, сделав пару шагов, одним привычным движением оказалась сидящей на подоконнике.

Прокручивая в голове лусид с темным ратеном, Уна рассматривала свои руки, вспоминая движения рук воина. В сновидении ей показалось, что жесты ратена напоминают её собственные – уж больно похожими получались движения. Может, ратен - женщина? Терзаемая воспоминаниями последующего сна с огненными и жадными руками, Уна спрыгнула с подоконника и отправилась варить кофе и готовить завтрак.

Сервируя стол к приему пищи, Уна прокручивала в голове незнакомые слова – «инквиллины» и «ратен». Плавнo приходя к мысли, что подобных слов она никогда еще не слышала, девушка потянулась за телефоном, и, набрав бабулю, начала прицельный расспрос обо всем, что узнала от воина.

Бабка Уны – Хельга Фаэ – высокая стройная блондинка, внешне едва ли перевалив тридцать лет, хотя по всем при-

знакам и документам – уже довольно почтенная госпожа, – была очень характерной женщиной. Ее высокие скулы, длинные густые светлые волосы, которые Хельга неизменно заплетала в сложную тугую косу, прямой нос и пронзительные серые глаза – до сих пор лицо главной Фаэ снилось многим ловеласам, а ее острый язык частенько отгонял непрошенных кандидатов в мужья.

Муж Хельги Фаэ – аристократичный Эдуард Фаэ, подходил бабуле несказанно, только была одна проблема – видный и очень властный, но склонный к азарту мужчина, исчез в просторах самого большого океана планеты. Однажды утром, уплывая в очередной поход по северным водам, поцеловав внучку и жену, ушел и больше не вернулся. Конечно же, потратив больше десяти лет на поиски, Хельга рассылала своих агентов по всему миру, но все было напрасно. Эдуард Фаэ словно испарился с лица Земли.

С тех самых пор, эта во всех смыслах, невероятная женщина, была одинокой, а может быть, свободной, и всячески вносила в свою жизнь приключения, танцы и хорошее настроение. Уна воспитывалась в окружении богатых наследников и наследниц бизнеса, знатных родов и хозяев жизни. Несмотря на такое трудное общество, Уна выросла самостоятельной девушкой, напоминающей Хельгу. Уна любила разукрашивать свою жизнь, хоть и стремилась к уединению.

Допросив бабушку, слушая бодрый и полный сил голос, Уна нажала на кнопку отбоя и решительно отправилась в

душ. Сновидения – вот главный ключ ко всем странным словам и событиям. Ответы все в мире, куда каждую ночь падала Уна, с тех самых пор, как ее родители погибли.

Тугие струи хлестали спину, а голова начала подкидывать абсолютно другие отрывки из снов – жадные руки, хватающие ее и сжимающие до хруста костей. Уна могла поклясться, что ей снился Эмонитас. С какой стати? Миллионерам не место в уютном одиночестве Уны, которое она с таким трудом отвоевывала у бабки и всех этих богатеев из высших кругов. Опасная близость людей, способных подмять под себя Уну, заставить жить ее по чужим интересам не входила в ее планы. В ее планы входила работа в престижном университете туманной страны, путешествия в горы по выходным и праздникам, сафари и изредка бабулины вечеринки – Уну устраивала жизнь одиночки.

Уже после завтрака, пролистывая в смартфоне последние новости мира, она осознала, что Эмонитас поглотил ее мысли полностью – она лихорадочно прокручивала их поездку в город-мечту, ее интервью, вспоминала его лицо и небрежную копну волос, кудрями рассыпавшимися по плечам. О, боги!

Закутавшись в черный плащ, доходивший Уне до щиколоток, обуваясь в удобные прогулочные ботинки, она прикидывала план прогулки. Решив отправиться в дальний книжный магазин, Уна развернула наушники, включив Людовико Эунауди, медленно пошла вдоль главной улицы, придержи-

живаясь одного ей известного плана прогулки. Медитативная музыка вводила Уну в состояние, родственное лусиду, не позволяя потерять связь с реальностью, но погружая ее в уже знакомое комфортное состояние.

К полудню Уна дошла до книжного магазина, вывеска которого описывала клиентов как нельзя лучше - «Книжный червь». Уна любила именно этот, хоть и удаленный от ее квартиры, магазин – он был полон самых интересных книг во всем городе. В книжном можно было найти очень редкие книги, которых было всего несколько экземпляров во всем мире. Уна иногда приходила сюда лишь затем, чтобы побродить среди стеллажей, впитывая в себя аромат книг.

Оказавшись в книжном магазине, Уна закопалась в отделе с самыми редкими книгами, и осознала, что она там находится, спустя час. Девушка сидела на полу и рассматривала черно-белый рисунок в огромной толстой книге в кожаном переплете. На рисунке был изображен квадрат, по углам которого были нарисованы человечки в разных шляпах. А в центре – человечек с короной на голове.

- Весьма недурно, - процедила она сквозь зубы и, закрыв книгу, посмотрела на обложку. «История клановых войн и переворотов» гласило название. Привалившись к стеллажу за спиной, она сидела и листала книги, которые выбрала, и совершенно не заметила, что за ней наблюдают. Человек смотрел между книг. От его внимательного взгляда не укрылись измученные бессонными ночами глаза девушки, кото-

рые жадно искали ответы на вопросы, которые роились в голове.

Темная тень скользнула справа и Уна подобралась. Слишком мало отдыха в последние дни, слишком много усталости. Пока Уна училась достигать лусида, прошло почти две недели. И теперь за каждым поворотом ей видится та сторона. Она вздохнула, захлопнула книгу, которую листала последней и, тяжело поднявшись с пола, пошла к кассе. Заплатив за книги, которые она выбрала, крепко обняв бумажный пакет с новым интересным и полезным чтивом, Уна внезапно уткнулась носом в коричневую кожаную куртку.

- Эм... - пролепетала Уна от неожиданности, - Простите? – получилось не очень уверено, но в чем могла быть уверена Уна после нескольких недель без нормального сна? Подняв голову, она увидела его. Нет, она увидела Его – чёрные волны по плечам, ледяной взгляд. Радульф собственной персоной. Уна стушевалась и даже шагнула назад, в спасительное пространство книжного магазина.

- Здравствуй, Уна. Как дела? – мужчина из жарких снов пристально разглядывал девушку. – Может быть, ты мне расскажешь, почему я так и не смог до тебя дозвониться? – под курткой виднелась футболка по типу тех, что носят «обычные смертные», ниже шли простые синие джинсы и кеды. «Ничего особенного, Уна, все в порядке. Подумаешь, мужик из твоих снов. Ну и что?» - напуганная донельзя таким «посетителем» её жизни, она стояла посередине магазина и не

могла сдвинуться с места.

- Ну? Ты чего молчишь? – снова спросил Радульф, и Уна резко вздрогнула, выныривая из мечтательного оцепенения, а затем в несколько быстрых шагов преодолела расстояние до двери. Казалось, что мужчина занимал весь дверной проем – воображение Уны, усиленное желанием достижения пограничного состояния, недосыпом и воспоминаниями о тех жарких снах с Эмонитасом в главной роли, рисовало разгневанного волка. Девушка старалась очень быстро и как можно более незаметно покинуть место их встречи.

Радульф пропустил её. Продолжая внимательно и отстраненно наблюдать за ней, он пошел следом, неторопливо поглядывая по сторонам. Практически догнав убегающую Уну, он задал еще один вопрос.

- Ты тоже видишь меня во сне? В последнем сне ты мне говорила, что я тебе снюсь, и звала к себе. Это правда?

Уна ошарашено остановилась. Они шли по тротуару вдоль главной улицы, окруженные людьми и автомобилями, снующими тут и там. Черный плащ Фаэ обхватил её ноги, укутав волной. Уна резко развернулась и пристально всмотрелась в лицо Радульфа.

- Тоже видишь меня во сне? – прошептала она. – Ты тоже видишь? Меня? – пакет упал на плитку под ногами с громким «Шлеп!», заставив обернуться на них нескольких прохожих. Радульф схватит пакет, придвинулся ближе к Уне и зашептал ей:

- Я вижу тебя. Вижу только тебя. Во всех окружающих меня женщинах – только тебя. Ты что-то сделала со мной? – его ладони медленно приблизились к её лицу и коснулись щёк. – Твой образ сводит меня с ума, если честно. Мой приезд – всего лишь моя жалкая попытка прекратить эту одержимость тобой. Что мне нужно сделать, чтобы прекратилось это... – он тщательно подбирал слова. – Издевательство?

- Из-де-ва-тель-ство? – по слогам повторила Уна. – То есть, ты полагаешь, что я издеваюсь над тобой таким образом? – улыбка промелькнула на ее лице. – После той ночи в твоём отеле я постоянно думаю о тебе. Знаешь, я уже начинаю верить во все эти истории с телепатией.

- А какие есть истории с телепатией? – Радульф убрал непослушные прядки волос с лица Уны.

- Нууу... – протянула она. – Есть мнение, что если человек отбросит всё лишнее и достигнет состояния абсолютной осознанности, уберет все посторонние мысли, то услышит «зов» других людей.

- Зов? – мужчина немного потерял ход разговора. Его пальцы перебирали растрепанные волосы Уны, пропуская их через его пальцы.

- Думаю, подразумеваются мысли, которые люди думают о человеке, который пытается прочесть мысли других людей. То есть, если ты хочешь услышать мысли других людей, нужно выбросить из головы абсолютно все и там, во внутренней тишине услышишь мысли других людей, - Уна бук-

важно вытряхнула свои волосы из пальцев Эмонитаса, помахав головой из стороны в сторону.

Сомневаясь в услышанном, Эмонитас отстранился. Осмотрев девушку из своих снов, он удостоверился, что выглядит она в целом неплохо для умалишенной. И уточнил:

- У тебя все в порядке? Может быть, я могу тебе помочь? – под глазами Уны пролегли темные тени. Шикарные рыжие волосы торчали в разные стороны нечесаной гривой.

Девушка отмахнулась.

- Думаю, у меня все под контролем. Я звала тебя, да. Искала тебя во сне, ждала тебя. Хотя искренне не понимаю причин для этого – мы почти не знакомы, а то наше путешествие – малая толика того, что следует знать друг о друге, чтобы... – она потупилась и принялась рассматривать свои руки.

- Чтобы что? Продолжай, пожалуйста, - Радульф сложил руки на груди, отстраняясь от девушки. Весь его вид выражал решительность и величественность. «Рыцарь холодных морей. Прекрасный рыцарь моих грёз» - думала Уна, бросая взгляды на фигуру мужчины из-под опущенных ресниц.

- Чтобы я хотела, чтобы ты был рядом со мной, смотреть на тебя, - она вскинула голову навстречу ледяному взгляду, и получила в ответ недоуменный взгляд Эмонитаса. Он приблизился к лицу Уны, настолько, что она почувствовала его дыхание на своей коже, и прошептал, глядя прямо в глаза девушке:

- Девочка, ты уверена в том, что ты сейчас сказала?

Уна смотрела на мужчину, широко раскрыв глаза, пытаясь понять значение вопроса.

- Уверена. Абсолютно.

- Тогда, считаю, тебе пора принять мои ухаживания и дай ты отправишься спать? – Радульф говорил совершенно не то, что хотела услышать Уна. Но слова ей определенно нравились. Где-то там, на периферии создания, она ощущала волны удовлетворения от слов «принять ухаживания» и «отправишься спать». Внутренняя Уна расслабилась и позволила «принять».

- Я принимаю.

- Что? – опешил Радульф. Вокруг продолжалась жизнь, будний день уже вошел во вторую свою половину, улицы были пустынные. Ближе к вечеру люди вновь наполнят их своими голосами и шорохом ног об асфальт.

Радульф не ожидал услышать её принятие так скоро.

- Ты принимаешь? Правда? – мужчина внимательно разглядывал лицо Уны, и внезапно понял, что она на грани потери сознания. Приобняв её за плечи, он медленно повел её куда-то.

- А куда мы идем, господин Эмонитас? – пробормотала Уна, кутаясь в плащ. – Книги! Мои книги! – она резко развернулась, но Радульф уже все поднял и махнул ей рукой.

- Просто иди, обо всем я позабочусь. Все будет хорошо. Доверься мне, - и Уна провалилась в темноту.

Засунув сверток с книгами подмышку, подхватив на руки

свою легкую ношу, Эмонитас спокойно дошел до машины, припаркованной за углом, бережно уложил на заднее сиденье стройное тело и позвонил.

Она бежит по городу. Звуки шагов громом отдаются в ушах. Дыхание сбивается. Она понимает, что долго так не протянет. Она краем глаза видит пустые дома, страшные запустелые окна.

И бежит. Она смотрит на себя и видит, что она одета в длинное белое платье, красную шапку и красный передник. Но он не красный. Он просто в крови.

Она забегает в какой-то подъезд. Прижимается к стене и закрывает глаза.

Воспоминания, будто кадры из фильма: дом, вокруг лес. Она знает там — *они*. И там же ее друзья... она видит дом изнутри: она знает *они* наверху. Ее друзья сняли этот дом на выходные. Она говорит им, что нужно уходить. *Они* убьют всех.

Друзья смеются. Говорят, она бредит. Она выбегает из дома и бежит прочь. Она знает, что недалеко есть шоссе. Там можно поймать машину. Она выходит на шоссе.

Шоссе пусто. Наконец, она ловит машину. Но машина тоже пуста. За рулем нет никого. Она знает, что сможет уехать к городу. Надо только уехать.

Она едет и она знает, что *они* рядом. Вдруг машина останавливается, и дверь водителя открывается.

Темнота. И вдруг она в больнице, привязана к кровати.
На руках – наручники.

- Где я? - Ты с нами...

- Кто ты? – Неважно. Мы здесь, чтобы поиграть... Поиграй с нами... Поиграй... Поиграй с нами. – голоса шепчут, сливаясь в монотонный нарастающий гул.

Она кричит и разрывает оковы. Бежит. Снова бежит. Темнота. И вот она в каком-то подъезде.

- Поиграй. Поиграй. Поиграй со мной, - шепот звучит ото всюду. - Нет, со мной. Нет, со мной.

- Нет я. - Нет я. Я. Играй.

Она бежит. И видит – впереди человек. Он просто стоит на тротуаре. Это мужчина.

Она видит: на ней уже лохмотья. Она вся в крови.

- Ты играй. Играй. Играй с нами...

Она добегает до человека. Останавливается рядом. Он берет ее за руку. Темнота.

- *Играй со мной.*

Давай думать, что эти сердца созданы друг для друга.

Все это стоит всех ран, и так и должно быть.

Если меня распнут и четвертуют,

Вечно храни эту мысль

Во всех оттенках синего...

Чарующий мужской голос напевал песню одной из любимых групп Уны. Распахнув веки, она огляделась, и пришла к выводу, что комната из чужого мира – слишком скупая обстановка. «Я в мужской квартире. Мамочки!» - мысленно взвизгнула Уна, которая имела свои «убеждения» на этот счет. Подскочив на заправленной кровати, она оглядела себя и поняла, что ничего страшного не произошло. Она была одета, как и утром – черные джинсы, футболка до середины бедра и даже черный плащ имелся в наличии.

- Уф, - вздохнула Уна и пошла на мотив известной песенки. Мужской голос уже выводил:

*Каждая часть меня хочет верить,
Что существует тьма, которую нужно пережить,
Чтобы увидеть и почувствовать яркий свет,
Только ради тебя...*

«Немного фальшивит, но, в целом, очень похоже на оригинал» - мысль вспыхнула и исчезла. Прямо посередине кухни стоял Радульф Эмонитас, тот самый – миллионер и циник, и напевал себе под нос песню. Вокруг его талии был обвязан кружевной передник, в руках Эмонитас держал внушительных размеров сковороду. Уна, обомлев от увиденного, задела рукой стакан на столе, который сразу же полетел на пол и разлетелся на несколько крупных осколков. Песня оборвалась, Эмонитас обернулся, видимо, все еще мысленно

напевая, и удивленно уставился на Уну.

- О! Ты уже на ногах! Ты отдохнула? – участливо спросил он, притоптывая одной ногой, выстукивая ритм мысленной песни. – Я готовлю, - он покосился на часы на левом запястье, - полдник, - улыбаясь, он вновь бросил хитрый взгляд на Уну. – Ты есть-то будешь?

Фаэ кивнула, пристаивая свое едва послушное тело на очень дорогой с виду стул с высокой спинкой. Вся мебель казалась дорогой, но очень простой. Занавески на широком окне были светлые и неприметные, хотя Уна разглядела материал – лен.

- Тогда мыть руки и сними плащ, - он покашлял, - пожалуйста.

- А где... мыть? – голос не слушался. Уна покряхтела, стаскивая тяжелый плащ с плеч. Эмонитас быстро резал овощи, раскладывая по тарелкам яичницу с беконом. Кивнув в сторону раковины, не глядя на девушку, Эмонитас сорвал с талии передник и одним движением закинул его на спинку одного из стульев. Передник пролетел пару метров и повис именно там, куда целился мужчина.

Во время еды Радульф сдержанно рассматривал Уну, методично пережевывая пищу. Девушке было тяжело глотать под такими внимательными, хоть и скупыми взглядами.

- Ты помнишь, что было до того, как ты потеряла сознание? – наконец Радульф решился и спросил.

- Помню, что ты предложил мне быть твоей девушкой, и

я согласилась? – Уна внимательно посмотрела на него и, не рассчитывая на ответ, добавила: – Конечно, помню. И мое мнение не изменилось. Ты, правда – идеальный для меня. Особенно после этой песни в твоём исполнении, – он улыбнулась, припоминая приятный баритон Эмонитаса, выводивший *«Давай думать, что эти сердца созданы друг для друга...»*.

– В таком случае, я хотел бы позвонить твоей бабушке и обсудить некоторые детали, – взгляд Эмонитаса стал жестким и не терпящим возражений. Уна кивнула.

Глава третья. Исчезновения.

– И что же это означает? – Хельга задумчиво рассматривала фотографии трупа новенькой девушки-пекаря из самой популярной кондитерской «Вкуснятина от Мары». Эту кондитерскую на углу центральной улицы города Хельга построила одной из первых. Внутренний порядок среди персонала и внешний в самом заведении поддерживался исключительно самой хозяйкой – госпожой Хельгой. Чаще, именно она и следила за управлением своих кондитерских.

– Извините, госпожа. Девушка умерла внезапно и быстро. Без каких-либо телесных повреждений, – мужчина, одетый во все серое, цедил слова сквозь зубы, словно ему было неприятно их произносить. – На самом деле, криминалисты пришли к выводу, что это банальное самоубийство. Хотя, я так не считаю.

Мужчина выглядел неприметным. Иного слова было и не подобрать – серый костюм, светлая рубашка, серый невзрачный галстук, темные ботинки, покрытые дорожной пылью – было видно, что ему приходится много ходить пешком, несмотря на то, что в кармане брюк явно угадывался брелок сигнализации автомобиля. Мужчина стоял, вытянувшись перед Хельгой, старательно отводя глаза. Он понимал, что его ждет по истечении разговора и не хотел этого.

Хельга повернулась лицом к агенту и вопросительно посмотрела в его строгое лицо.

- То есть, выходит, что чудесная жизнерадостная девушка, которую я два месяца назад приняла на работу, не хотела жить? Вы серьезно? – госпожа тряхнула головой, словно отгоняя навязчивые мысли. – Это совершенно недопустимо в нашем случае. Вы можете отправить сообщение Хорусу? Я думаю, ему нужно знать о том, что происходит.

Мужчина вновь поморщился. Он очень не хотел ничего отправлять Хорусу, и вообще, покидать это чудесное место. Единственное, чего хотел агент госпожи Хельги – это приехать домой, стянуть рабочую одежду и упасть на кровать. И спать.

- Вы думаете, что Тьма наступает из Реальности? – агент скривился на последнем слове. Он не любил Реальность, но, по долгу службы – это был его мир, который он охранял, как и многие другие агенты.

- Тьма наступает из тьмы, Аха. И Свет, истинный Свет –

всегда рождается из Тьмы. И тьма, и свет – дети одних родителей. Только у них разные задачи, скажем так.

Хельга укуталась в шаль, и присела на краешек дивана в гостиной. Дом госпожи Фаэ был большой. Она любила уют, тепло и гостей. В доме часто жили родственники – близкие и дальние, оставались на ночь друзья.

Полы были устланы мягкими и красивыми коврами, на стенах висели картины популярных импрессионистов, лестницы были витые с крутыми ступенями. Сразу на входе посетители попадали в огромную гостиную с большим светлым диваном, креслами и парой журнальных столиков. Помимо гостиной, на первом этаже имелась огромная столовая, кухня и пара гостевых комнат. Комнаты госпожи Хельги и ее внучки Уны Фаэ находились на втором этаже. Это были просторные светлые комнаты, выходившие окнами во двор дома. Внешние окна принадлежали лестничным пролетам и не имели прямого доступа в личные комнаты. Это отвечало правилам безопасности, которые соблюдали все жители дома Хельги. Третий этаж был занят гостевыми комнатами. Хельга иногда приговаривала, когда Уна возмущалась пустующими гостевыми, что «если совсем уж будет туго, я смогу устроить в этом доме небольшой притончик» и ехидно хихикала вслед раздосадовано уходившей внучке.

Все эти исчезновения светловолосых девушек по городу доставляли массу неудобств самой Хельге. Одной из причин пристального внимания к проблеме Хельга называла умень-

шение числа клиентов. Приходилось привлекать дополнительные средства для создания популярности кондитерских.

- Так, Аха. Поступим следующим образом. Ты передаешь сообщение Хорусу о том, что девушки пропадают. Опишешь внешность, и уделишь особое внимание последней девушке, которая не исчезла.

- А почему она не исчезла, у вас есть идеи, госпожа Хельга? – Аха потирал переносицу, старательно рассматривая чудесный сад во дворе, на который выходили окна дома.

- Я думаю, что Тьма вербует новых учениц. У них, может, расширение территорий? Клан Русаси вообще, как там поживает? Они следят за границей? – Хельга повела плечом, сбрасывая шаль. Ажурное полотно плавно соскользнуло и расплылось по светлой поверхности дивана. Поднявшись, госпожа Фаэ прошла к окну, отдернула занавеску, и тоже принялась рассматривать сад во дворе перед домом. Постояв какое-то время в молчании, Фаэ развернулась и вопросительно посмотрела на Аху.

Аха вздохнул. Плохие новости император не любил. Да и кто их любит? Агент уже представлял себе, как ему придется открывать все подробности – одну за другой, - представил гневный взгляд императора, когда тот придет к тому же выводу, что и госпожа Хельга.

- О, Асаада! Аха, да ты чего? У тебя всегда получалось это легко, разве нет?

- Госпожа, видимо, я старею. И у меня нет даже толики

вашей крови, милейшая госпожа Фаэ. И нет вашего хладнокровия и спокойствия.

Хельга невесело усмехнулась. Она волновалась. Если Тьма решила заняться увеличением численности своих жителей без ведома императора, то это может привести к самым непредсказуемым последствиям.

На город медленно опускался вечерний сумрак. Аха многозначительно переминался с ноги на ногу, стоя возле задумчивой Хельги. Ему не хотелось покидать этот мир, но делать нечего – новости для императора важнее всего. Оправив костюм, Аха спросил:

- Может быть, я пойду, госпожа Фаэ?

- Да, конечно, Аха, - госпожа медленно повернулась от окна и кивнула. - Как передашь послание, сразу сообщи мне. Я буду ждать, - Фаэ направилась к лестнице наверх в комнаты. – Агата, чаю мне в кабинет! – крикнула она прислужнице. – Не буду задерживать, дорогой. Хорошего тебе настроения, - ее высокая фигура начала подниматься по ступеням, плавно, словно танцуя, двигаясь вверх, неслышно ступая.

Аха почтительно кивнул госпоже и вышел за дверь. Его ночь только начиналась, и то, что ему предстояло, было действительно маленьким испытанием. Превращения всегда давались агенту с трудом, но, все же, он был лучший из всего клана. Редко кому доставалась способность к умению обрачиваться, а вот Ахе повезло. И, когда очередных Гамидов расформировывали, его будущее было предопределено са-

мой Асаадой, и Аха не был против.

Шагнув за порог дома Фаэ, мужчина снова оправил костюм, стараясь незаметно вытереть вспотевшие ладони. Аха нервничал, опасаясь реакции императора. Мужчина выпрямился, сделал глубокий вдох.

В саду печально пели сверчки, яблони источали свежий и прохладный аромат. Хельга стояла у окна, вновь укутавшись в теплую шаль. Агата взяла выходной еще вчера, что Хельге было на руку. То, что Аха должен был передать Хорусу, было срочным и важным.

На ее памяти еще не было исчезновений людей из Реальности, которые могли бы быть связаны с их миром. Хельга предполагала участие чаровниц в этих исчезновениях. Девушки, которые словно испарились, были похожи на девушек клана Русаси. И это тоже настораживало Хельгу. Она склонила голову, пытаясь разглядеть Аху.

Вдруг огромная птица взмыла вверх, широко расправив крылья. Хельга облегченно вздохнула.

- Справился с собой, трусишка, - она хихикнула. Окинула сад, вспоминая все прежние встречи с Ахой, их партнерство последние годы стало тесным, и Хельга ощущала его ближе, чем когда-либо.

Фаэ наблюдала за природой, которая словно сердилась, наблюдая за беспечными людьми. Внезапно налетевшая гроза набирала обороты. В вечернем небе скапливались пышные тучи, стремительный ветер тугими струями разрезал

воздух. «Ну как можно быть столь безответственным?» - спрашивала природа и грозилась всполохами молний. Хельга нашла глазами Аху. Высоко, под самыми тучами, можно было разглядеть огромную птицу, которая достигала в своей величине около полутора метра. Ее белое оперение сияло, освещаемое молниями. Птица летела быстро, словно спешила, рассекая воздух огромными узкими крыльями, и Хельга, словно зачарованная, смотрела ей вслед.

Говорят, альбатрос во время шторма спасает заплутавших моряков, указывая безопасный путь. Для моряков появление альбатроса означает надежду на спасение. Хельга задумчиво следила за птицей, до тех пор, пока та не превратилась в точку, а потом и вовсе исчезла из виду.

Может быть, надежда на спасение все еще оставалась?

Уна проснулась, завернутая в простыню. Мокрая ткань сковывала движения, а девушке очень хотелось выбраться из кокона. Почти разрывая ткань, Уна рванула простыню и выпала на пол. Поднявшись на ноги, девушка почти бегом пересекла квартиру, оказавшись на кухне. Налила воды в высокий стакан, выпила его залпом и выдохнула – дыхание медленно восстанавливалось, что Уну порадовало. Тот сон, который темным маревом окутал ее, испугал ее настолько, что девушка сначала приняла его за реальность.

Перед ней простирался огромный, кажущийся бесконеч-

ным зал, в котором танцевали девушки. Удивительным было то, что все девушки были светловолосыми и одеты были в длинные белые сарафаны. Босые ноги вытаптывали неизвестный девушке танец.

«Ты любишь танцевать?» - раздался в голове шепот. Уна поморщилась. Голос напоминал головную боль или холодный ветер зимой. «Ты любишь танцевать, девушка?» - повторил голос настойчиво.

- Люблю, конечно. Только этот танец я не знаю. Да, и без музыки... Как-то всё странно это, - Фаэ запрокинула голову, пытаясь обнаружить шепчущего.

Над большим круглым залом находился прозрачный купол, а над куполом, с внешней стороны плавали рыбы, огромные киты, акулы и многие другие морские обитатели. Они плавали медленно, словно находились во сне.

«Всё это снится тебе, девушка. Ты веришь, что это сон?» - шептал голос в голове.

- Сплю ли я? Наверное, сплю. Перед тем, как лечь в кровать, я проверила все замки в доме.

«А хочешь танцевать с нами? Смотри, как тут весело» - голос почти звенел тысячами колокольчиков. – «Мы все так любим танцевать. Девушка! Потанцуй с нами, пожалуйста»

Уна медленно повернулась вокруг себя и увидела зеркало. В нем отражалась светловолосая девушка в длинном белом сарафане с ниткой жемчуга на шее. – Танцевать? Сейчас?

«Танцуй! Нужно много магии для покорения Света! Нуж-

но больше отдачи от чаровниц!» - кричал голос, но внутри головы.

И Уна слышала музыку. Тихую медленную песню, которую исполнял грустный мужской голос. Мужчина пел о любви, что принесла много боли и страданий, о женщине, которая наполнила сердце печалью и оставила разбитым и ненужным. Уна понимала все слова, совершенно не зная языка. Тело уже слушалось музыку, ноги сами отбивали ритм мелодии. Она видела себя в каждой кружившейся девушке в зале. Уна летела высоко-высоко, потом падала вниз, и какое-то вселенское чувство расцветало в сердце с каждым новым словом песни.

«О, да, девушка. Это любовь. Любовь моего прекрасного и единственного мужчины. Это он поет песню о нашей умершей любви. Ты слышишь, как ему больно?»

Уна слышала и еще как. Песня повторялась по кругу, все больше становясь похожей на молитву или речитатив. Девушка уже повторяла слова, и чувствовала, что с каждым новым куплетом энергия внутри нее растет и покидает тело, постепенно наполняя внешний радиус купола.

Уна хотела спать и не просыпаться никогда. До тех пор, пока песня не зазвучит снова. До тех пор, пока мужчина снова не позовет свою любимую.

И тут она увидела ее.

Женщина сидела на возвышении в центре зала. Длинные волнистые волосы цвета топленого молока спадали по крес-

лу до пола и мягким покрывалом укутывали босые ноги женщины. Да и женщина ли это? Юная девушка со светлыми зелеными глазами, нежной прозрачной кожей и розовыми губами. Ее лицо было спокойным и отрешенным. Одета она была так же, как и все девушки в зале – в длинный белый сарафан. Только на шее была длинная нитка из изумрудов.

Увидев, что Уна обратила на нее внимание, женщина медленно улыбнулась.

«Девушка, теперь ты с нами, милая. Мы не дадим тебя в обиду. Только танцуй»

И Уна провалилась в темноту, а песня все звучала в голове.

Ужасный сон, тошнотворный. Живот все еще скручивало от паники, которая затопила все тело. Уна уперлась ладонями в оконную раму, стараясь контролировать дыхание, как учил ее инструктор по йоге.

- Дышать. Уна, дыши, - сама себе шептала Уна. Ей ничего не оставалось, как медленно дышать, считая про себя вдохи и выдохи. Мир начал обретать четкие очертания, что радовало. Значит, приступ паники скоро пройдет, и можно будет позвонить бабушке, которая обязательно найдет объяснение этому жуткому сновидению.

Фаэ внезапно похвалила себя, что это был не лусид, иначе она не вернулась бы. Иногда лусид был опасен тем, что погибнув в мире снов, человек не возвращался, также умирая в реальном мире. Бабуля как-то объясняла Уне особенности

осознанных сновидений, которые могут убивать, но Уна слушала невнимательно. Вот именно сейчас Фаэ думала, что такой лусид убил бы ее наверняка.

Налив еще стакан водой, Уна выпила, уже медленней, продолжая считать вдохи и выдохи, внимательно слушая дыхание. Постепенно Уна успокаивалась, прокручивая слова песни, услышанной во сне.

- Странная молитва, - Уна задумалась. Что-то в этой песне было ей знакомо, только вот что? Мотив был однообразным, рваным. Хотя, может это и не молитва вовсе?

Уже набирая номер бабули, Уна почти в голос пела речитатив девушек в белых сарафанах.

- Бабушка, у меня к тебе есть несколько вопросов. Мне тут приснился сон... - Уна рассказала весь сон, не прерываясь, чтобы скорее услышать бабушкино вечное «Не печалься, детка, это всего лишь сон», но в этот раз Хельга удивила Уну.

- Девушки в белых сарафанах?! – она внезапно закричала в трубку голосом, полным отчаяния. – Уна, ты уверена?! Опиши еще раз женщину на троне, пожалуйста, - кричала бабуля.

Уна описала, трубка хранила молчание.

Внучка Фаэ тоже немного помолчала для приличия, и спросила:

- Бабушка, мне начинать бояться?

- Приезжай ко мне как можно скорее! – Хельга выкрик-

нула в трубку. Уна поежилась, словно от холода. – Жду тебя через два часа, не позднее. Если ты будешь задерживаться, предупреди меня, пожалуйста, Уна. Прошу тебя! Будь осторожна!

Уна кивнула трубке после того, как зазвучали гудки отбоя.

Она вспомнила вдруг, что Эмонитас хотел повидаться с бабушкой. Фаэ хмыкнула, позволяя мыслям вернуть ее в тот день, когда Радульф нашел ее в «Книжном черве». Он был такой непоколебимый и уверенный в том, что теперь-то Уна точно его – после ее признания, совместного завтрака. Только он забыл, что у Фаэ были «убеждения» - не оставаться у мужчины дома дольше, чем на пару часов, ночевать только дома, не целоваться с первыми встречными, и ни в коем случае не отдавать свою честь до свадьбы.

Почему-то последний пункт казался Уне самым важным. Важнее даже верности родине и любви к бабушке Фаэ. Уне очень хотелось, чтобы самым важным мужчиной ее жизни был ее муж, который возьмет ответственность за жизнь девушки, будет защищать ее и оберегать.

«Темный век, Уна! В наше время твоя пресловутая «честь» лишь мешает тебе наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях! Ты же современная молодая женщина, ты можешь себе это позволить!» - твердили Уне ее подруги по университету, коллеги по работе и простые знакомые.

Уну устаивала жизнь, которой она жила, особенно, с сохраненной честью.

А тот завтрак с Эмонитасом имел перспективы плавного перехода к потере «убеждений» Уны, и она, покивав для достоверности Радульфу, сбежала.

Подумаешь, такой красивый и очень притягательный мужчина! Уна отлично жила и без него, и проживет еще столько же. Зачем ей самой себе создавать неприятности?

Натянув снова черные джинсы, заменив футболку рубашкой в клетку, и, запахнувшись в излюбленный черный плащ, Уна поплелась ловить такси. Бабуля жила за городом, окруженная родовыми землями, которые принадлежали еще прадедушке Фаэ по отцовской линии. Земли были покрыты лесами, в которых обитали дикие звери. Пешком бродить по лесу Уна не решилась бы.

Такси везло ее по городу, который уже окутывали сумерки. После побега от Радульфа, Уна какое-то время гуляла по городу, разглядывая себя в витринах магазинов. Ближе к ужину девушка вернулась в свою квартирку, и, стянув одежду, свалилась на кровать, мгновенно провалившись в сон. Уне хотелось верить, что бабушка не придумывает себе опасность, связанную со странным сном. Разве что, у Уны могло пошатнуться психическое здоровье, но кто может похвастать такими снами?

Уна могла.

Такси еще ехало по длинной дорожке к дому, а Уна уже видела бабушку, стоявшую на входе в особняк. Изящная бледная рука судорожно сжимала на груди кружевную шаль.

Уна нервно сглотнула и мысленно обратилась к себе, прислушиваясь. «Вроде бы я здорова, и психически тоже ничего», - Фаэ выскользнула из такси, закинув в окно водителю плату, и мельком улыбнулась. Таксист кивнул, развернулся и уехал, а Уне предстоял странный разговор с бабушкой. Стройная фигурка в черном плаще шагнула к лестнице в особняк, продолжая обдумывать причины поведения Хельги.

- Скорее, Уна, - бабка Фаэ приобняла внучку и, буквально впихнув ее за двери, с грохотом их закрыла.

- Бабушка, - кивком приветствуя бабулю, Уна прошагала к светлому дивану и упала на его мягкую поверхность. – Я вся – внимание. В чем причина твоего странного поведения?

Хельга потерла лицо ладонями, скинула шаль, которая соскользнула на кресло, повиснув ажурной паутиной.

- Помнишь, ты в школе любила рисовать свои сны? Ну, у тебя еще рисункам места не хватало на стенах, и ты вешала их на потолок? – Хельга говорила медленно, словно подбирала слова. Взволнованный взгляд серых глаз, а затем бабуля смотрит в окно. – Помнишь, рисунки, Уна?

Уна кивнула, вытягивая ноги. В голове звучал речетатив, отзываясь ритмом глубоко в солнечном сплетении. Хотелось встать и начать тот танец из сна, кружиться, закинув руки за голову и закрыв глаза. Фаэ прикрыла веки, внимательно слушая бабушку.

- Ты рисовала мужчин, женщин, детей. Леса, болота и озера. А еще бесконечный океан, уходящий за горизонт, - Хель-

га мучительно медленно растягивала слова, отвернувшись к окну.

Уна помнила все очень отчетливо. Каждого увиденного во сне человека, каждое озерцо или речку, деревья вокруг дома, в котором она жила во сне. Еще мужчину, который однажды забрал ее из дома и сделал воином. Она еще тогда нарисовала его, сразу же после сна, старательно выводя на бумаге углем каждую черточку лица, доспехов, пальцев рук. Потом она часто видела его во сне, он руководил отрядом, в котором она была одной из воинов.

Что-то шевельнулось в Уне, она было ухватила эту мысль, но та ускользнула.

- Ты еще как-то утром пришла ко мне в комнату и поспывала все рисунки до одного, а один, с воином у которого на груди висела подвеска в виде глаза, забрала себе. Помню-помню! – Уна ухмыльнулась, припоминая тот скандал, что закатила бабуле, и последовавший за ним переезд в городскую квартиру, которая когда-то принадлежала отцу.

- Рисунок с женщинами в белых сарафанах ты не помнишь, да? – Хельга почти прошептала вопрос, и резко повернулась к Уне.

Уна подняла левую бровь и во все глаза уставилась на бабушку. Она их уже видела во сне? Но Уна не помнила абсолютно – ни подводного мира, ни их «царевну» с косой, небрежно лежавшей на полу, ни самих девиц.

Хельга зашуршала бумагами на подоконнике и вынесла на

свет рисунок, на котором было изображено небольшое озеро, вокруг которого стояла дюжина девиц в сарафанах из недавнего сна Уны, руки которых были воздеты к небу, а губы улыбались. На небе рисунка светили две луны, которые соприкасались кромками. Вокруг озера был лес, состоявший из высоких толстоствольных деревьев.

Уна провела пальцами по рисунку, припоминая тот сон. «Странно, даже не помню эмоциональный отклик», - подумала девушка. Она вспомнила, что видела тот сон, будто смотрела на девиц со стороны, из кустов или из-за деревьев. Помнила тяжесть металла на правом бедре, легкий скрип кожи о кожу, словно была одета в кожаную куртку.

Хельга напряженно смотрела на Уну, сдерживая вопрос.

- Говори уже, Хельга, - Уна называла бабушку по имени в случаях эмоционального возбуждения. Именно такой случай сейчас и был.

- Это те же девушки?

- Да, определенно они. Только в моем сегодняшнем сне их был полный зал. И все плясали странные танцы под странную речитативную песню, - Уна заправила волосы на ухо нетерпеливым жестом, - а что?

- О, Асаада, еще и песня любовников! – Хельга закрыла уши ладонями и быстро зашептала что-то себе под нос.

Внезапно на пороге возникла Агата, служанка бабушки Хельги. Выглядела девушка слегка обеспокоено.

- Агата? – Уна вопросительно подняла брови.

- Госпожа, там Радульф Эмонитас на мотоцикле. Стучит в дверь. Мне открыть, госпожа? – Агата очевидно нервничала, сложив крохотные ладошки на животе.

Хельга отвела ладони от лица и округлила глаза.

- Уна? Ты ничего не хочешь мне рассказать? – бабушка смотрела на Уну укоризненно, словно отчитывала за проказу.

- Думаю, Эмонитас тебе все сейчас расскажет, - улыбнулась Уна.

- У нас мало времени, Уна. Нужно его как-то быстро спроводить отсюда. Боюсь, что нам придется отправиться в одно удаленное место, - Хельга бормотала, величественно устраниваясь в кресле гостиной. – Проводи его, как подобает.

Глава четвертая. Инстинкты.

Эмонитас медленно измерял шагами кабинет, в котором Хельга любила решать все важные дела.

Один-два-три-четыре-пять...

Пространства было мало - огромный стол, заваленный бумагами, достававший от стены до стены, шкаф с книгами, которым было мало место на полках и они лежали друг на друге, большое удобное кресло обтянутое черной кожей и небольшой диванчик для посетителей.

Один-два-три-четыре-пять.

Радульф прождал уже почти полчаса с тех пор, как приехал, но обеих Фаэ пока не увидел. Внутри себя, почти в са-

мых легких, мужчина ощущал поднимающуюся ярость, волны которой, еще немного - и выльются наружу. Все было не так, как он планировал - и это злило Радульфа.

Он ждал, что сразу же увидит Уну и обнимет ее, но его встретила служанка, которая и проводила его в кабинет. Служанка работала у Фаэ давно, была молчалива и серьезна. Пожалуй, все слуги Хельги были такие, особенно агенты, которые узнавали любые тайны, добывали самые недоступные предметы, вербовали лучших людей. Говорили, что работать на хозяйку кондитерских сплошное удовольствие - хорошее отношение, высокая оплата. Только мало кто мог попасть на эту работу - слишком высокие требования предъявлялись кандидатам.

Эмонитас шагал и думал. Вспоминал всё, что знал о Хельге и ее кондитерских, агентах, директорах. Он, как владелец одного из самых успешных издательских домов, отелей и многого другого также имел осведомителей и агентов и обладал обширными знаниями о большинстве необходимых людей в окружении. Радульф хотел верить, что его инстинкты не ошиблись и Уна Фаэ - стоит того предложения, что он собирается сделать девушке. Быть женой влиятельного человека означает многое, если не всё и, если Уна с этой непредсказуемой бабкой откажутся, то у Эмонитаса не будет вариантов. Никаких и никогда.

Инстинкт вопил так сильно, что Радульф остановился и

сделал несколько глубоких вдохов, медленно погладил ладонью себя по груди.

- Скоро она придет, потерпи. - Инстинкт бушевал, требовался объект привязки, но Эмонитас не знал, придет ли Уна вообще. Быть может, бабка уже наговорила ей лишнего. Как быть ему, если Уна не будет принадлежать ему? Как он будет жить? Да и сможет ли без нее?

Когда агенты сообщили ему о том, что Уна у бабки в имении, Эмонитас оставил все дела и поехал. Он даже оставил водителя, решив отправиться на своем "Харлее". Быструю езду мужчина любил, как любил свою жизнь, свое дело в издательстве. Но жизнь особенно.

Легенды, которые ему удалось найти в семейных библиотеках по стране, говорили о том, что пробужденный инстинкт без объекта привязки очень быстро превращается в неизлечимую болезнь, напоминающую обычный грипп. Если добраться до объекта не представляется возможным, то инстинкт убивает в течение недели.

Эмонитас хотел жить.

Если для того, чтобы и дальше продолжать свои дела, жить полной жизнью, ему нужна Уна Фаэ - он согласен.

"Тем более, девушка - красноголовая, что одобрит клан Эмонитас", - думал Радульф.

Дверь распахнулась внезапно прямо перед носом Эмони-

таса, так что ему пришлось отшатнуться.

В проеме он увидел знакомую фигурку в черном плаще. Инстинкт завопил, и мужчина бросился к Уне.

- У тебя больше нет одежды, кроме этого плаща, кэрита? - прошептал он, зарываясь в ее рыжие волосы, обнимая руками ее тело. Инстинкт, словно огромный тигр, вдруг довольно заурчал и будто свернулся калачиком в районе солнечного сплетения.

Ошалевшая от произошедшего, Уна обняла ладонями голову мужчины, который врывался в её сны то в образе человека, то волка, и отодвинула от себя.

- Эмонитас? Почему ты здесь? - ее волновал недавний разговор с бабкой, близость этого мужчины и то невероятное чувство удовлетворения от того, что он с ней в одной комнате. Слово перед ней появилась крепость, в которой она теперь будет жить вечно, и ни в чем не будет знать нужды.

- Я не могу без тебя. Мне требуется твое общество, чтобы жить. Как бы объяснить тебе, - Радульф привлек Уну к себе и обнял за плечи. Длинные рыжие волосы пахли жасмином - этот запах напоминал ему о матери, она выращивала кусты в саду и сама делала масло для рук. Эмонитас втянул в себя аромат, который внезапно принес ему чувство успокоения.

- Ты - моя половина. Хочешь ты того или нет, тебе придется признать меня как будущего мужа и отца наших детей. Ну, со всякими вытекающими последствиями, - он отстранился, вглядываясь в глаза той, кого ему послала судьба.

- Я думаю, нам нужна бабушка для этого разговора, Радульф, - Уна смотрела в его глаза и внезапно все осознала.

Поняла, что с той минуты, когда погибли ее родители, она больше не принадлежала себе. Всю жизнь бабка растила Уну так, чтобы она могла выжить в любой возможной ситуации, обладать массой способностей и умений, которые не были необходимы в обычной жизни.

Вырвав свои руки и твердых и красивых рук мужчины, которому она хотела принадлежать больше всего на свете, Уна медленно развернулась. Одним большим шагом достигнув двери, девушка захлопнула её и побежала.

"Совсем, как в том сне про игры. Надо же", - думала Уна, покидая дом Хельги. Бегать Фаэ учили с детства, это приглождалось не раз, но сегодня был особенный. Она неслась по длинной аллее, усыпанной гравием, понимая, что по прямой её быстро догонят, и свернула с дороги.

Прорвавшись сквозь заросли чубушника, Уна ощутила аромат, который накрыл её сладковатым облаком. Она вывалилась в лес, скатившись по наклонной насыпи, который начинался сразу за кустарником. Медленно поднявшись на ноги, Уна перевела дух. Бег по пересеченной местности то еще удовольствие, впрочем, как и любой другой.

Оглядевшись, девушка увидела в скрюченных березках что-то вроде прохода внутрь леса. Уна вдохнула и побежала

снова. Когда она остановилась в следующий раз, то увидела поляну - широкое ярко зеленое пространство, пересекаемое огромным черным стволом. Поваленное дерево было покрыто изумрудным мхом, а травы вплелись в часть коры.

Уна медленно подошла к стволу, цепляясь краем плаща за травинки. Ноги гудели от долгого бега, сердце рвалось из груди загнанным зверем. Она понимала, что её всё равно обнаружат, и Уна будет делать то, что от нее потребуют. Она шла вдоль огромного, в два обхвата, ствола, размышляя над тем, что сказал ей Эмонитас и бабушка Хельга. Углядев темное пятно, свободное ото мха, Уна села, повернувшись лицом к поляне, и её плавно накрыло волной из листьев.

Над поляной возвышался раскидистый ясень, разбросав во все стороны свои широкие ветви. Листья расслабленно покачивались, отчего ясень шелестел, постукивая крылатками. Его величественный вид словно говорил: "Эти жалкие человеческие проблемы ничего не значат на этой поляне - просто отголоски чужих страданий. Нет ничего и никого, способного поколебать умиротворение, которое мне обеспечивает и этот лес, и эта поляна, и эта трава..." Уна подняла голову, рассматривая дерево, закрывшее часть чернеющего неба. Она рассматривала ясень с непередаваемым восхищением, вспоминая, что вроде бы древесина ясеня прочная и надежная. И сразу же ей представлялся Эмонитас - сильный, уверенный в себе мужчина, которого признало само существо Уны как единственного.

Ясень словно бормотал какие-то слова, шумя листвой, и Уна представляла на его месте огромного шамана, который, зажав в широких крупных ладонях бубен, возводил мускулистые руки в небо, словно спрашивая о том, как поступить Уне - отбросить сомнения и шагнуть вперед, оправдав неизвестные надежды чужого мира, оставив свою надежду обрести счастье с Эмонитасом, которое брезжило где-то впереди, или, может быть, бежать от всего - от эфемерных и неясных обязательств, черноволосого мужчины с широкими могучими плечами и ледяными глазами?

Не успела Уна додумать и принять решение, как на поляну медленным крадущимся шагом вышел Эмонитас. Ноги, обутые в черные ботинки, неслышно ступали по траве. Затянутая в черную кожу фигура - кожаные штаны и куртка - быстро преодолела расстояние до замершей Уны и остановилась перед ней.

Ясень зашумел листьями громче, стараясь вновь привлечь внимание Уны к тому выбору, который стоял перед ней, но Уна его уже не слышала - перед ней стоял мужчина её снов, который умел защищать её даже от самой себя. Кого она признала как крепость, в которой нет места боли и страданиям. Эмонитас возвышался над застывшей Уной, которая разглядывала его также внимательно и восторженно, как в самую первую встречу.

Радульф обернулся и увидел дерево. Неожиданный великан, накрывший просторную поляну зелеными лапами, по-

что черными в сумраке позднего вечера.

"Какая ирония - яшень и Эмонитас - сильные и могучие создания, способные приводить в трепет меня, по сути - обычную девушку. Куда мне до них, способных умиротворить или вселить ужас одним своим видом? Разве я могу справиться с тем, что уготовила мне судьба в виде бабки Фаэ и чужого мира?" - Уна смотрела и смотрела, наполняясь печалью до краев, понимая, что совсем скоро это темное чувство изольётся слезами.

А затем Эмонитас приблизился и медленно коснулся ее лица.

- Ты очень нужна мне. Не отталкивай меня, пожалуйста. Я не самый плохой мужчина в мире, ну, я так думаю, - он хитро улыбнулся уголками рта. - Я знаю про наследие и Светь, Уна. И я согласен пойти с тобой туда, куда ты скажешь. Только не отвергай меня, пожалуйста.

- Светь? Наследие? - она озадаченно выгнула брови, силясь понять то, о чем он говорит. - Какая Светь?

- Это мир, наследием которого мы являемся. На самом деле, таких как мы - много, но мы нужны сейчас. Тем более, что мы потомки ведущих семейств кланов.

- Откуда ты знаешь все это, Радульф? - Уна внезапно для себя разозлилась на него, на бабу, на неведомый мир и даже на этот исполинский яшень, который невинно помахивал ветвями над ней. - Что это вообще все значит? Почему вы

знаете, а я нет?

- Хельга - первородная. Ох, это рассказывать не мне. И знаю я это из легенд моего клана. Я прочесывал библиотеки в поисках ответов на вопросы об особенностях инстинкта, ну и обнаружил много интересного об этом мире.

Уна закрыла глаза и постаралась представить свою жизнь без всего того, что с ней происходило. Будто бы она не поехала брать интервью, и после не происходили поиски этого мужчины по сновидениям. Хотя, почему она так хочет избежать отношений с ним?

- Что ты любишь больше всего на свете, Радульф? - спросила Уна, открыла глаза. Нужно было подстраиваться под ситуацию, она понимала, что её попытки убежать ни к чему не приведут.

Он вспыхнул и удивленно сел рядом, но руку оставил поверх руки Уны, не разрывая касания.

- Больше всего на свете я люблю жизнь, - он скосил глаза в ее сторону, пытаясь найти подвох. - Что ты любишь, Уна?

- Я люблю рисовать. Много рисовать, - она улыбалась, пробуя на вкус своё желание. - Был период в жизни, когда рисование занимало большую часть моего дня. Я рисовала и рисовала, пока однажды утром не проснулась опустошенной. В тот день мне показалось, что у меня отняли самое дорогое, что было.

- Почему ты спросила меня? - Радульф обнял ее за плечи и притянул к себе.

- Думаю, для того, чтобы справиться со всем тем, что нам выпадает, мы должны быть вместе. И должны знать друг о друге многое, если не все. Что за наследие? И почему именно мы?

Радульф глубоко вдохнул, собираясь рассказывать то, что писали в легендах его славные предки, как над темной, почти ночной поляной, внезапно исчезли все звуки. Застыл разлапистый ясень, умолкли насекомые. Раздался громкий хлопок, и на поляну шагнули двое мужчин.

Мужчины были одеты в странные доспехи. "Я видела такие, видела!"

- Радульф, - начала было Уна.

- Называй меня Ральф, кэрита, - он смотрел на мужчин не отрываясь.

- Ральф, я уже видела эти доспехи. Я видела их в своих снах! - последнюю фразу она прошептала, прячась за левое плечо Эмонитаса.

Мужчина перевел взгляд на Уну. Он думал о том, что с каждой минутой принадлежит этой женщине все больше. Ловит её взгляд, мимолетные движения пальцев. Рассматривает ее профиль, обрамленный рыжими прядями волос. Уна словно открывала ему мир, о котором Эмонитас никогда и не подозревал. Он смотрел на нее и понимал, что никогда ещё не видел настолько прекрасной женщины.

Мужчины приблизились. В темноте были видны силуэты, доспехи едва освещались луной. Один из мужчин вскинул

руку и на кончиках его пальцев возник желтый светящийся шар размером с апельсин.

Уна смотрела во все глаза.

Шар отделился от руки мужчины, опустился на траву и на его месте разгорелся костер. Он горел, отбрасывая свет на мужчин, Уну и Радульфа, освещая все вокруг.

Высокий широкоплечий мужчина в черных доспехах из снов Уны стоял прямо и ровно. Чувствовалась военная выправка и глубокая внутренняя сила.

- Здравствуй, Уна. Мое имя Хорус. А это - Акил, - мужчина указал на своего спутника плавным движением руки.

Акил был одет в доспехи красного цвета. Они представляли собой кожаную куртку, обтягивающую торс, кожаные штаны, которые так же обтягивали тело мужчины. До колен поднимались алые сапоги из мягкой кожи, застегиваясь кнопками под коленями. Он тоже был высок и широкоплеч, а голову украшали мелкие черные кудри волос.

Мужчины дали возможность Уне и Ральфу рассмотреть их, а затем сели на траву по другую сторону костра, который теперь освещал и Уну с Радульфом. Уне показалось, лишь на миг, что Хорус улыбается. Но пламя костра плясало, поднимаясь в высоту человеческого роста.

Эмонитас обнял Уну, зарывшись в её пылающие волосы с ароматом жасмина. Уна потянулась к нему, принимая его

объятия. Она подумала, что именно этого хотелось ей с тех самых пор, как вернулась домой после поездки за тем интервью в город-мечту.

- Наследие... - пробормотал по ту сторону костра Хорус. Он выглядел серьёзным и усталым. Под глазами мужчины залегли темные круги. Уна помнила его из своих снов по развороту плеч, черным доспехам и взгляду суровых глаз.

"Император" - прошелестел бесцветный голос в голове Уны. Обрывками воспоминаний на нее накатывали звуки и запахи мира снов, который стал для нее таким родным и привычным. Рука Ральфа нежно обнимала ее, и ей казалось, что нет никого более счастливого, чем Уна Фаэ.

Кивнув в сторону спутника, Хорус опустил голову, позволив Акилу говорить.

- Наш мир близок к катастрофе. Наши ученые предполагали такое развитие событий. Многие годы назад мы отправили в ваш мир пары, которые ждали детей. Они расселились по всей планете, дав нашему миру шанс на выживание. Дети сменяли детей, росли родословные древа. Старики уходили в иной мир, уступая место следующим поколениям. Каждый год мы ждали пробуждения, наблюдая за приближением того дня, когда наш мир утонет во Тьме, - последнее слово Акил почти выплюнул с ненавистью. Эмонитас вздрогнул и с осуждением посмотрел на мужчину. - Наследие пробуждалось, неохотно возвращалось обратно. При попадании в наш мир, наследие умирало от того, что люди не могли поверить

в происходящее. Они просто сходили с ума! Только с Уной мы поняли, что наследие готово. Особенно, учитывая факт привязки Огненного волка к вам, девушка.

Акил склонил голову набок, рассматривая пару по другую сторону костра. Он знал, что от тех слов, что он сейчас скажет, зависит решение, которое примут эти двое. Слова должны проникнуть под кожу, прорасти, а затем дать всходы. Миру требовалось сильное наследие, способное не дать ему погибнуть.

- А теперь наше наследие убивают. Убивают специально, чтобы не позволить миру возродиться. Даже не позволив обрести крохотную надежду на чудо, - мужчина в красном усмехнулся, всматриваясь в огонь. Ральф поднял голову, наткнувшись взглядом в ветви ясеня, который теперь казался покровителем и защитником. Акил проследил за его взглядом.

- То есть, мы не случайно оказались на этой поляне? - голос Уны звучал холодно и спокойно, что Эмонитас поёжил-ся. Взглянув на избранную своего сердца, он удивился решительности в её взгляде.

- Не совсем так. Вы шли неосознанно, просто ваша кровь чувствует родной мир, поэтому вы и пришли к месту соприкосновения наших миров сами. А ваш пёс пришел за вами, - ответил ей Акил, ожидая, что "пёс" среагирует.

Радульф медленно выдохнул, переводя взгляд на Хоруса.

- Чего же вы молчите, любезный император? Я верно вас

называю? - иронично проговорил он. Хорус поднял усталые глаза на Эмонитаса.

- Ох, Радульф. Вы правы, конечно. Сейчас мой черед молчать.

- Зачем вы пришли? - Уна бросила вопрос, представляя его огромным камнем, который с глухим звуком упал перед пришельцами.

- Нам нужно пробудившееся наследие. Вы - Фаэ и Эмонитас, потомки крупных кланов в нашем мире, у вас есть привязка друг к другу и Уна может слиться с ратеном, что очень важно для её будущей роли в нашем мире. Решение за вами, - Акил вздохнул. Затем медленно поджал под себя ноги и закрыл глаза.

- Что это вы делаете, Акил? – Уна выкрикнула вопрос от испуга. Кто бы мог себя так вести? Безумец!

- Нет-нет, Уна, Акил не безумец, - будто прочитал ее мысли Хорус. – Акил – один из ведущих ученых Свети. Он из клана Ахмар – клан ученых-воинов. Чуть позже ты познакомишься со всеми, дорогая моя Уна, - мужчина говорил, смотря на огонь, разглядывая лепестки пламени. Уне показалось, что он радуется происходящему.

Эмонитас думал. Он понимал, к чему клонят пришельцы, и это его пугало. Огромный мир был за его плечами – практически всемогущий Радульф Эмонитас, владелец всего, чего бы он ни пожелал. Его устраивала такая жизнь, в которой

он может получить что захочет, а порою и кого захочет.

Он мог представить себя королем, президентом, да кем угодно! А теперь?

Теперь они называют его псом, пренебрежительно называют! Чтобы он чувствовал себя уродом?

Сможет ли он справиться с новой частью себя в этом мире, без чужой поддержки? Ему требовались объяснения и инструкции.

Сложно представить, на что был готов Эмонитас, чтобы не терять комфорт жизни и денежную свободу. Вдруг новый мир предстанет перед ним развалинами и гибелью?

Вынужденная привязка к Фаэ лишь усложняла ситуацию. Эмонитас понимал, что долг перед родом неоплатен, и он пойдёт в чужой мир, служить императору и будет продолжать род.

Стиснув зубы, Эмонитас повернулся на другой бок.

Хельга расположила его в одной из гостевых спален. Эта была ближе всех к Уне, и мужчина чувствовал притяжение сквозь стены. Она спала там, нежная и волнующая, в обрамлении рыжего пламени волос. Тонкие изящные запястья плавно переходящие в узкие длинные кисти рук покоились на подушке. Эмонитас мог потрогать ее так - одним лишь

взглядом, издалека, сминая пространство между ними.

Было странным то, что притяжение к ней ограничивалось физическими потребностями - защитить, уберечь, обнять, укрыть. Он не любил её, и это его пугало - такая невероятная сила, способная подчинить Радульфа Эмонитаса, которая оказалась сильнее любви.

Разве не любовь сильнее всего на свете? Может быть, Радульф и не понимал никогда значения этого слова?

Он вновь перевернулся на другой бок. Мысли не давали покоя, терзая его. Эмонитас представил вдруг, что они с Уной сидят на просторной веранде, попивая чай из тонких белых чашек - перед ними вечное лето яблоневого сада, который покрывает золото уходящего за горизонт солнца. Уна улыбается, обнажая белые зубы, и внутри Эмонитаса растекается обжигающее тепло - он наслаждается её обществом, открывая для себя новые виды удовольствия.

Радульф протянул руку по направлению к Уне, и она протянула свою в ответ - пальцы соприкоснулись, и в этот момент видение поплыло, растворяясь в воздухе красной дымкой.

- Демон поberi мир грез! - зарычал Радульф, вскакивая с постели и судорожно натягивая штаны. Единственно верным решением для него было одно, и его он собирался осуществить в тот же миг.

Быстро преодолев длинный коридор, разделявший спальни Уны и Эмонитаса, мужчина остановился перед дверью

- красное дерево было темным и тускло отсвечивало в полумраке. Радульф приложил пальцы рук к двери и ощутил, что его втягивает внутрь невидимый вихрь. Легким движением он открыл дверь и медленно вошел в комнату. Уна спала, разметавшись по кровати. Длинные изящные руки, как и представлял Эмонитас, покоились на подушке - свет ночника, забытого Уной, освещал девушку.

Он подошел к постели, разглядывая лицо, такое умиротворенное и расслабленное.

"Ты видишь меня во сне, девочка моя?" - подумалось ему на мгновение, и, словно отвечая на немой вопрос, Уна прошептала сквозь сон:

- Радульф...

Метнувшись к ней, он почти схватил её за руку, но вовремя остановился - теплый сон окутывал её, и он был не в праве ей мешать.

И, повинуясь зверю в солнечном сплетении, величественный и сильный мужчина опустился возле кровати на пол. Эмонитас сел, вытянув длинные мускулистые ноги, оперевшись о кровать спиной.

"Это всё же лучше, чем представлять её себе," - проворчал он себе в мыслях. И внезапно понял, что он действительно - пёс. Верный пёс этой изящной рыжеволосой женщины, которая, сама того не осознавая, подчинила его себе.

Ухмыляясь своим невеселым рассуждениям, Эмонитас сам не заметил, как уснул.

Глава пятая. Собрание у реки.

Мутное облако окутало белую птицу, скрывая её от глаз. Туман мерцал несколько мгновений, но для агента Ахи они превратились в целые часы трансформации.

Ученые долго ломали голову над созданием существа, способного без туннелей перемещаться между мирами. Очень многие ратены погибали, стоило сыворотке попасть в их кровь – происходил моментальный спазм сосудов, и кровь сворачивалась, не позволяя проникнуть отравляющей жидкости в организм. Проблема была в том, что кровь сворачивалась моментально и сразу вся, убивая ратенов без промедления.

Подбор воинов для экспериментов проходил регулярно, и Аху пригласили наравне с братом. Когда брат не прошел отбор, для агента было удивительным то, что он подошел.

Как оказалось в последствии, только он и оставался у мира Свети для экспериментов - сильный, способный, обладающий наследственной болезнью для подобного эксперимента. Проблемная кровоточивость сыграла ученым на руку – организм не отторгал сыворотку, принимая её за лекарство.

Агент становился сильнее день ото дня, волшебная жидкость, позволяющая происходить трансформации, медленно превращала тело ратена в оборотня с кровью первородных.

Как ни трудно менять облик, но умение летать для Ахи стало великолепным подарком от Нефтады. Огромные кры-

ля белой птицы, несущей вести из мира в мир - вот о чем думал агент в болезненные и обжигающие моменты превращения, что придавало ему сил.

Окружающие только улавливали момент, когда невесомое облако успевало раствориться в воздухе в течение одного глубокого дыхания.

- Здравствуй, агент, - император невесело улыбался, предчувствуя нелегкие новости, сулящие большие перемены в мире Свети. Он был бледен, и ощутимо слаб, но Аха понимал, что Хорус не показывает и половины своего состояния. Уверенный в себе и сильный духом, первородный осознавал, что его бремя некому нести. Ни сестры, ни предки не имели права руководить Светью по договору, который был заключен много лет назад с Аминт.

Переворот назревал давно, ему требовалось время для расширения границ влияния. Хорус вспоминал последнюю встречу с возлюбленной Аминт, связывая её исчезновение с резкими переменами в отношениях Тьмы и Света - предки состарились и избавлялись от управления Светью. Тяжелая ноша давила плечи, а им так хотелось насладиться уединением и старостью, которая еще у них оставалась после долгих лет экспериментов с целым миром.

Аминт была юной, стремившейся подмять под себя огромный мир, и вот подминала - столетия кропотливой работы по разрушению материка ради подчинения его Тьме.

Только Аминт забыла историю предков - главное на Свети - равновесие. Без него шаткий мир развалится, превратится в бессмысленную мешанину и, в конце концов, падёт, вернувшись ко времени, которое застали только родители всего Света - безлюдная девственная планета, покрытая лесами, полями и водоемами. Никаких признаков живых существ.

- Господин, - Аха склонил голову в приветственном поклоне. Хорус обнял агента за плечи и повел к реке, намеренно замедляя шаг, чтобы ничем не выдать нетерпение, переполнявшее императора. Оба понимали, что вода умеет слушать. И, чем меньше они дадут ей услышать, тем лучше для их мира.

Аха погрузил ладони в воду, вслед за ним Хорус. Ладони приблизились и сомкнулись, образуя скрученный замок. Хорус прикрыл глаза, получая мысленную картинку, перебегающую через воду из разума Ахи. Увиденные пустые квартиры и дома, полные фотографий беловолосых девушек, исчезнувших, словно растворившихся в воздухе. Император обратил внимание на последнюю. Девушка не исчезла - не успела или не смогла?

Хорус видел ее - девушка-альбинос. Такие высоко ценились у чаровниц. Их забирали еще младенцами, воспитывая в них верность повелительнице.

Повелительнице Аминт.

- Это плохие новости, Аха, - Хорус констатировал факт,

который агент знал и так. Он побывал в каждой квартире, осмотрел все, что мог осмотреть, и не нашел никаких подтверждающих факторов тому, что причастны чаровницы.

- Я не полетел бы просто так, вы знаете, император. Трансформация слишком болезненна для меня, - агента передернуло от воспоминаний о превращении. Туннели между мирами контролировались чаровницами, и это давало им фору – они знали о любом перемещении. Создавая оборотня-альбатроса, ученые решали задачу глобального масштаба – императору требовался партизан, обладающий способностями к перемещениям без системы порталов.

- Со временем это пройдет. А времени у тебя теперь предостаточно, - мужчины удалились от реки на приличное расстояние, остановившись на большой и просторной поляне. Хорус легко взмахнул рукой, и, на едва влажной земле в самом центре места, где должно было пройти собрание, появился разгорающийся костер. Пламя росло, потрескивая в тишине ночи.

Над Светью сияли две луны Яхи - абсолютное двулуние можно было наблюдать одну ночь в месяц. В такие ночи проводились все обряды, свадьбы, проходили имянаречения и многие другие важные события. И только в ночь двулуния чаровницы не имели сил выходить на Свет, поэтому любые важные собрания император проводил в такие ночи, как эта.

- Скоро придут контубернии, Аха. Приедет твой брат. Ты рад этому, агент? - внимательный и настороженный

взгляд императора остановился на лице Ахи, изучая. Чего ждал император? Злости, обиды или ненависти на первородных, которые лишили бывшего ратена мечты, отобрав и передав ее родному брату?

Когда выяснилось, что с помощью Ахи решается вопрос о создании агента, то в месте у Гамидов, к котором тот так стремился с детства, было отказано. А вот Атсу, его брат-близнец, дослужился до Гамидов, и даже отработал в них полный срок – двести лет, по истечению которых вернулся обратно в клан и стал командиром кланового котуберния.

- Он родная кровь. Как я могу испытывать ненависть или злость к нему? – агент сознательно подчеркивал родство с Атсу, давая понять, что работа агентом-посредником Свети и другого мира стала отличной альтернативой службе в контубернии самого императора. Выбор был сделан, хоть и принужденный, и Аха был им удовлетворен.

Когда послышались легкие шаги лошадей вдалеке от небольшого лагеря императора и агента, мужчины привстали со своих мест.

- Это Русаси, император, - Аха принюхивался, прикрыв глаза. Волосы, прилипшие к вискам от пота, проступившего при трансформации, высохли, но так и остались, завитками обрамляя лицо агента. Весь его облик напоминал облик огромной птицы, спрятавшей крылья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.